

ВСТУПЛЕНИЕ

Новгород — один из древнейших и красивейших городов нашей страны. Его по праву называют городом-музеем. Великолепные архитектурные ансамбли на беогах Волхова, шедевры монументальной живописи XI—XVII веков ежегодно привлекают тысячи туристов со всех концов Советского Союза и из-за рубежа.

Интереснейшие материалы дали археологические раскопки города. Под напластованиями земли, отложившимися в течение столетий, ученые открыли древние городские улицы, усадьбы бояр и купцов, дома простых горожан и мастерские ремесленников. При раскопках собран богатейший материал, характеризующий быт и культуру древних новгородцев. На весь мир стали известны уникальные находки берестяных грамот.

Новгород возник и превратился в могучую столицу Северной Руси не на безлюдных пространствах Приильменя, а среди освоенной густонаселенной области. Тысячами живых нитей "город был связан с питавшей его округой. Многочисленные поселения, величественные курганы, языческие святилища и клады, спрятанные в минуту опасности, — немые свидетели этих связей. «Люблю новгородский край, — восклицал Н. К. Рерих, чья творческая деятельность художника и ученого-археолога была неразрывно соединена с Новгородской землей. — Люблю все в нем скрытое. В'се, что покоится тут же среди нас. Для чего не надо ездить на далекие

Концевий В. Я., Носов Е. Н.

Загадки Новгородской округи. — Л.; Лениздат, 1985,— 120 с., ил.

окраины; не нужно в далеких пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло. Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя».

Конечно, сейчас тот древний (второй половины I тысячелетия нашей эры) ландшафт, который был характерен для Поозерья — северо-западного побережья Ильменя и верховьев Волхова, являвшихся исторически сложившимся ядром Новгородской земли, — можно только вообразить. В наши дни эти местности являются полностью освоенными. Здесь¹ не осталось ни одного участка, занятого лесом. В течение сотен лет возвышенности интенсивно распахивались, застраивались деревнями и монастырями, а частично были заняты и самим городом. Особенно быстро меняется облик окрестностей города за последние годы в результате широкой мелиорации, строительства новых дамб и дорог.

Время безжалостно стерло многие следы жизни наших далеких предков. Под распашкой исчезли остатки поселений и курганов. Забылись дедовские предания о священных урочищах и старых могилах. Немногие сейчас, к примеру помнят о камне, называемом «Медведица», который лежит у самого шоссе, ведущего из Серго-ва в Новгород, около деревни Гвоздец. Эта громадная замшелая гранитная глыба, что вообще редкость для этих мест, с выбитыми на ней в языческие времена лунками для каких-то ритуальных целей, еще несколько поколений назад вызывала суеверный страх и почитание.

Забылось и исчезло многое. Но даже те археологические памятники, что дошли до нас или известны по отрывочным сведениям любителей старины прошлого столетия, дают наглядное представление о заселенности этих мест на заре русской истории.

Интерес к археологическим памятникам самого

центра Новгородской земли возник давно. Уже в начале прошлого века один из первых археологов-славистов З. Д. Ходаковский, осуществивший поездку по северозападным областям России, впервые обратил внимание на археологические памятники в районе Новгорода. Он упомянул о Рюриковом городище, Серговском городке на реке В'еряже, огромных курганах-сопках у деревень Воцкое на реке Питьбе, Ушерско и Родионово между реками Вишерой и Волховцем и раскопал знаменитую сопку в деревне В'олотово, насыпанную благодарными новгородцами, как гласит предание, над могилой легендарного предводителя славян — старейшины Гостомысла.

В дальнейшем сведения о памятниках региона приводились в работах Д. Я. Самоквасова, А. В' Елисеева, Н. Г. Богословского, В¹. С. Передольского, И. С. Роман-цева. Но систематическое изучение памятников Новгородской округи началось лишь в годы Советской власти. В¹ довоенный период раскопки различных погребальных памятников, известных в городской округе — сопки, курганов, жальников,— проводил Новгородский музей. Тогда же были предприняты и первые попытки научного исследования остатков древних поселений. К сожалению, почти все накопленные материалы погибли во время войны.

В 30-е годы экспедиции под руководством А. В. Арциховского, Г. П. Гроздилова, М. К. Картера, В. И. Равдоникаса исследовали Рюриково городище. В 1948—1953 годах А. В¹. Арциховский и В. В. Седов произвели раскопки языческого святилища в Перыни. Исследования пригородных монастырей и памятников древней архитектуры, начатые еще до войны М. К. Каргером, позднее были продолжены С. Н. Орловым и Л. Е. Красно-речьевым, а в последние годы их успешно проводят экспедиции Ленинградского отделения Института археологии под руководством П. А. Раппопорта и экспедиция

Ленинградского государственного университета, возглавляемая В. А. Булкиным.

Большая заслуга в открытии многочисленных славянских поселений Поозерья принадлежит новгородским исследователям М. М. Аксенову и особенно С. Н. Орлову, который впервые произвел раскопки некоторых из них. За последние годы число выявленных и исследованных памятников заметно возросло.

Живая национальная культура народа неразрывно связана с культурой прошлого. И как бы ни был богат и увлекателен нынешний день, не зная истории, невозможно оценить величие труда современников. Памятники истории это не только шедевры архитектуры и живописи, не только творения выдающихся мастеров, но и безымянные археологические сооружения. К археологическим памятникам относятся городища и селища — соответственно остатки укрепленных или неукрепленных поселений, сопки и курганы — древние погребальные насыпи, святилища — места поклонения языческим богам, а также вещественные и монетные клады, отдельные находки предметов старины. Все они — неиссякаемый источник наших знаний. Именно поэтому в Законе об охране памятников истории и культуры, принятом Верховным Советом СССР 29 октября 1976 года, в число культурных ценностей, подлежащих государственному учету и всенародной охране, закономерно включены и памятники археологии. Большая работа по охране памятников старины ведется и в Новгородской области. 28 июня 1971 года Новгородский облисполком утвердил список памятников археологии, подлежащих охране государства.

Богаты памятниками старины новгородские окрестности, овеяны легендами многочисленные урочища. Ежегодно археологические экспедиции ведут здесь раскопки, обследуют известные памятники и открывают новые. К сожалению, далеко не всегда новгородцы и многолшс-

ленные туристы, отправляясь к всемирно известной церкви Спаса на Нередице, на турбазы в Хутынь или в Скит, в Деревяницы или в Поозерье, знают не только о древних церквах, но и о существовавших здесь поселениях и могильниках, открытых кладах и пролегавших торговых путях. Узнав это, совсем по-другому представим мы себе эти исторические места, ближе соприкоснемся с героической историей родного края.

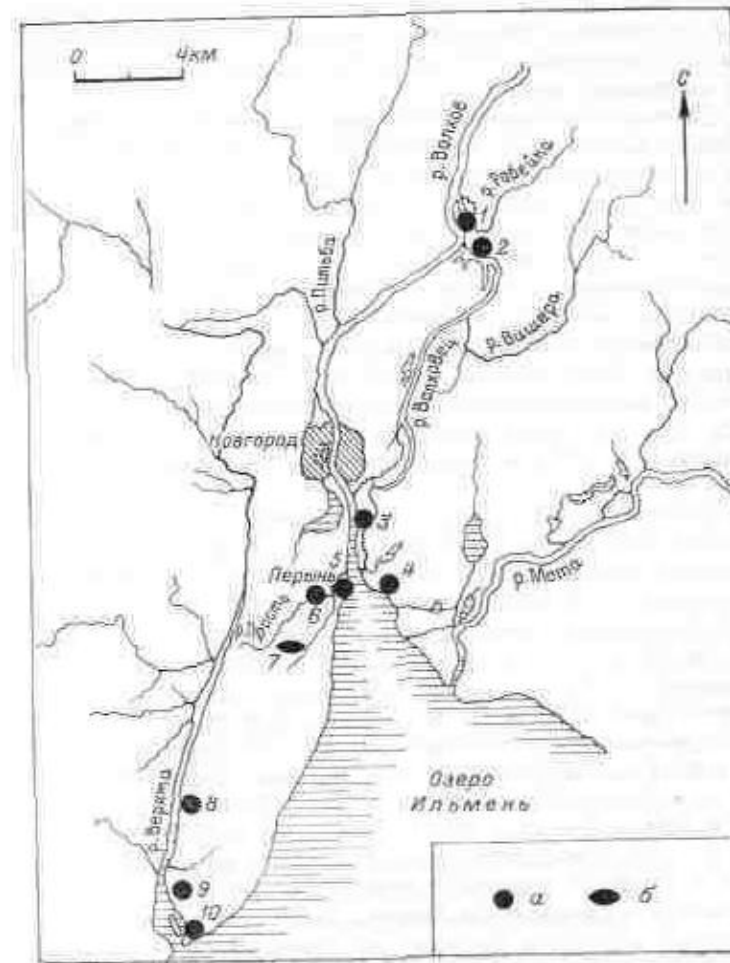
Об археологических памятниках Новгородской округи и рассказывает эта книга.

Край словен новгородских

"Словене же седоша около озера Ил мера и прозвашася своим именем..." — так, всего лишь одной лаконичной фразой, русский летописец XI века поведал современникам о расселении самой северной группы восточных славян. Большого он не знал. И уже для него эти события терялись в глубине веков и смутно проступали, овеянные легендами и преданиями.

И действительно, когда появилось славянское население на берегах величавого Волхова? Где были основаны первые поселения и насыпаны первые курганы, собирались племенные старейшины и горели огни священных костров? Как складывались отношения славян с на-ходниками варягами и местными финскими племенами? И наконец, почему именно в истоке Волхова возникла столица Северной Руси, а сам город получил название «нового»? Письменные источники не могут дать ответа на этот далеко не полный круг вопросов, которые уже не одно столетие волнуют умы ученых. Решающее слово здесь принадлежит археологии.

Среди дремучих лесов и непроходимых болот реки в древности были единственными путями сообщения.

Памятники эпохи неолита и раннего металла:

/ — Холопий городок; 2 — Робейка; 3 — Городище; 4 — Коломцы; 5 — Стрелка;
6 — Прость; 7 — Ракомо; 8 — Баснльевское; 9 — Горошково; 10 — Еру-
пово; а — поселения; б — находки

каменных боевых топоров,

Именно по ним, и в первую очередь по Ловати, во второй половине I тысячелетия нашей эры славяне вышли на берега бурного Ильменя. Но не они были здесь первыми поселенцами.

Древнейшие археологические памятники, открытые вблизи Новгорода, датируются IV—III тысячелетиями до нашей эры и относятся к эпохе нового каменного века—неолита, как называют его археологи. Поселения охотников и рыболовов располагались непосредственно у водоемов, на невысоких всхолмлениях. Материалами для изготовления орудий труда служили камень, кость и дерево. Это были кремневые наконечники стрел и копий, скребки для обработки шкур, костяные проколки и гарпуны. Даже неспециалист легко может опознать керамику неолитического времени среди обломков глиняных сосудов других эпох. Ее поверхность почти сплошь покрыта ямками в сочетании с отпечатками гребенчатых штампов.

Неолитические поселения известны в урочище Коломцы при истоке Волхова, на правом берегу, при впадении в озеро речек Прость и Ракомка, на Рюриковом городище, в Холопьем городке напротив Кречевиц и во многих других местах.

Во II тысячелетии до нашей эры в Приильменье проникают новые группы населения, знакомые со скотоводством. Вместе с ними начинают появляться первые предметы из металла. Могильник данного населения был случайно обнаружен при земляных работах на правом берегу Меты и у подножия Бронницкой горы в 1910 году.

В руки археологов попали тщательно отполированные каменные топоры с длинными обухами и сверленными отверстиями для насаживания на рукояти. Отдельные подобные находки встречены во многих пунктах Новгородской области, в том числе у деревни Новая Мельница на реке Веряже и в Ракоме, Топоры, как

считают ученые, были универсальными орудиями, но в первую очередь служили боевым оружием.

Взаимоотношения пришельцев с местным населением были сложными и, скорее всего, далеко не мирными. Но как бы то ни было, именно с этого времени у населения Приильменья начинают распространяться навыки ведения хозяйства, в первую очередь скотоводства и металлургии. Остатки таких поселений открыты по реке Веряже, у деревень Еруново, Горошково, Васильевское, и на реке Прость.

Постепенно происходят изменения в приемах изготовления лепной керамики. Меняется форма горшков — они становятся более плоскодонными — и характер орнаментации. Поверхность часто украшается отпечатками ткани или их имитацией. Наряду с открытыми поселениями появляются укрепления (городища). Ближайшее к Новгороду такое городище находится на Бронницкой горе.

Накануне славянского расселения обитатели Приильменья говорили на языках финно-угорской группы. Об этом свидетельствует ряд заимствованных ими, несколько измененных в соответствии со славянским произношением, названий рек и озер. Так, Ильмень (древнерусское—Ильмер) обозначает в финно-угорских языках «озеро, определяющее состояние погоды» (по-фински «илма» — воздух, погода, а «ярв» — озеро). Название Меты происходит от финского «муста», что означает «черная». Вишера, которая, кстати сказать, имеет тезок в Пермской области и Коми АССР, по мнению некоторых авторов, переводится как «водный поток». Но это явление далеко не всеобщее. Названия таких крупных рек, как Ловать, Шелонь, Волхов, по мнению видного советского топонимиста А. И. Попова, имеют славянское происхождение.

Финно-угорское население в Приильменье было малочисленным. Во всяком случае, оно быстро раствори-

лось в массе пришельцев. Это подтверждается тем, что древнерусский летописец в XII веке по существу уже ничего не знал о населении, предшествовавшем здесь славянам. Ведущая роль славянских племен¹ в дальнейшем историческом развитии Приильменя была обусловлена более прогрессивной системой их хозяйства.

Славянские племена принесли в лесную зону Восточной Европы устойчивый тип земледельческого хозяйства, сложившийся в местах их прежнего обитания — более южных и юго-западных районах. Он характеризовался, прежде всего, пашенным земледелием, то есть использованием пахотных орудий с железными наконечниками (рал) и тягловой силы животных.

Конечно, земледелие было известно коренным обитателям Приильменя еще в I тысячелетии до нашей эры. Это была подсечная система земледелия, основанная на непременном выжигании леса, при которой пахотные орудия не использовались. Весь комплекс работ заключался в бороновании засеянного участка, очищенного предварительно огнем от всякой растительности и удобренного золой. Это производилось при помощи бороны-суковатки, представлявшей часть елового ствола с торчащими сучьями. Такое поле в течение нескольких лет давало высокие урожаи, после чего забрасывалось и возникала необходимость поиска нового подходящего места. Хозяйство с такой формой земледелия неизбежно включало в себя, как равноправные направления деятельности, лесные промыслы, охоту и рыболовство. Скотоводство, в известной степени, было также необходимо как стабильный источник пищи, но оно не было связано органически с другими занятиями. Подсечное земледелие и охота, с одной стороны, и разведение домашних животных, с другой, были привязаны к различным природным участкам. Если первые тяготели к глухим лесным урочищам и требовали частой перемены

мест -то для второго были необходимы широкие травянистые поймы.

Совсем по-другому обстояло дело при пашенном земледелии, которое вообще не могло существовать без скотоводства. Последнее давало первоначально земледельцу тягловых животных, а в дальнейшем и удобрения для полей в виде навоза. Пашенное земледелие создавало условия для большей территориальной стабильности населения, позволяло дольше эксплуатировать одни и те же участки земли и получать при этом устойчивые урожаи.

Придя в зону сплошных лесов, разорванных лишь озерами и долинами рек, славяне могли наладить традиционное хозяйство лишь на незначительных пойменных участках, к тому же не сопоставимых по плодородию с южными черноземами. Они были вынуждены выжигать участки леса, получая при этом двойную выгоду: освобождалось место для пашни, а сама пашня удобрялась золой. Пашенное земледелие на выжженных участках по сравнению с обычной подсекой сохраняло высокое плодородие почвы, достигнутое за счет золы. На более длительное время (до 5—7 лет, а не на 2—3 года), а также предохраняло пашню от быстрого зарастания сорняками. Отслужившее свой срок поле использовалось для выпаса скота или как сенокос. Нет необходимости доказывать, что подобная система давала значительные экономические преимущества по сравнению с подсекой и позволяла вводить в оборот и использовать гораздо больше пашни. Такая начальная форма пашенного земледелия в лесной зоне носит название лесного перелога, и ее нельзя путать с подсекой.

Очень скоро тяжелые почвы Северо-Запада, а тем более лесные участки, насыщенные корнями деревьев, потребовали создания нового типа пахотных орудий. И уже в X—XI веках здесь на смену однозубому ралу, принесенному из прежних мест обитания славян, при-

ходит новое орудие — двузубая соха, ставшая на многие сотни лет надежным помощником русского крестьянина.

В Приильменье наиболее удобным для начального земледельческого освоения явились территории, примыкающие к озеру с северо-запада, — Поозерье и исток Волхова. Это была низкая пойма, пронизанная многочисленными протоками Веряжи и Волхова, среди которой возвышались отдельные всхолмления, поросшие дубравами и напоминавшие пришельцам их далекую прародину. Во время весенних паводков местность затопливалась и возвышенности надолго превращались в островки. Прекрасные заливные луга с буйным разнотравьем, легкие плодородные почвы холмов, «к урожаю хлеба весьма способные», как отмечалось в средневековых источниках, изобилие рыбы и водоплавающей птицы обусловили места концентрации населения. Так сформировалась коренная территория племени новгородских словен, осевшего на обширном пространстве ильменского бассейна.

Известный советский антрополог Н. Н. Чебоксаров, проводивший специальное исследование ильменских поозерья, отмечал, что «современное население Поозерья в массе представляет непосредственных потомков древних новгородцев», что «характерные особенности новгородского говора, сближающие его с древнерусским языком, также сохранились в Поозерье лучше, чем в других районах Новгородской земли», а народное сознание жителей Новгорода «твердо хранит воспоминание» о

Раннеславянские памятники:

/ — Холопий городок; 2 — Хутынь; 3 — Деревягичи; 4 — Родионово; 5 — Ушерно; 6 — Болотов; 7 — Кириллов монастырь; 8 — Нередица; 9 — Городище; 10 — Перынь; // — Прость; 12 — Воцкое; 13 — Ракомо; 14 — Береговые Морины; 15 — Моисеевичи; 16—17 — Георгий; 18 — Васильевское; 19 — Гвоз-дец; 20 — Любоежа; 21 — Горооково; 22 — Заболотье-Еруново; 23 — Сергово; а — городища; б — селища; в — сопки; г — святилища; д — клады; е — культовый камень.

древности поозеров, о поозерах как самых «чистых» новгородцах.

Плотность древних поселений в Поозерье очень велика. Сплошной цепью протянулись они по Веряже и непосредственно по берегу озера. Местами, особенно на Веряже, селища образуют целые сгустки, почти соприкасаясь друг с другом. В самом устье реки открыто селище у деревни Еруново. Выше по течению они обнаружены у деревень Островок, Горошково, Любоежа, Ва-сильевское и Георгий. Как бы защищая вход из озера в Веряжу, в центре этой группы поселений, на острове среди реки, стоит Серговский городок, укрепленный земляным валом, сохранившимся на длину около 100 метров и высоту до 3 метров. Культурный слой на городке не обнаружен. Это лишний раз подтверждает его роль

как сугубо сторожевого пункта и возможного убежища в момент военной опасности.

К озеру прилегают селища Курицкое, Береговые Морины, Прость и расположенное несколько в стороне, на берегу речки Ракомки, превращающейся весной в залив Ильменя, поселение Ракомо — древнейший из упомянутых в летописи сельских населенных пунктов Новгородской земли.

Севернее, в истоке Волхова, поселения шли в основном по его правому берегу и Волховцу, где тянулась гряда холмов, наиболее удобных для обитания. На первой же возвышенности от Ильменя, при разделении Волхова на два рукава, находилось знаменитое Рюриково городище. Неподалеку от этого места, на следующем невысоком холме, отделенном от городища речкой Спа-совской — древним руслом Волховца, там, где высится всемирно известная церковь Спаса на Нередице, зафиксированы остатки еще одного поселка. Другие селища открыты в урочище Слудка у деревни Волоотово, в деревне Родионово, на Холопьем городке при слиянии Волхова и Волховца. Правый берег Волхова ниже Новгорода был также заселен. Два поселения обнаружены здесь близ Деревяниц, а еще одно неподалеку от Ху-тынского монастыря. Подобные поселения, надо полагать, были и на нынешней территории Новгорода — на холмах, скрытых ныне мощными напластованиями культурного слоя.

Сейчас места рядовых поселений ничем не выделяются на поверхности. Лишь ранней весной и поздней осенью на пашне можно заметить темные пятна культурного слоя, обожженные валуны, глиняные черепки, а иногда обнаружить и бытовые предметы и украшения.

По своим размерам большинство поселений было невелико. Они состояли из нескольких жилых домов, окруженных хозяйственными постройками и ямами, а также производственными сооружениями. Впрочем, отдель-

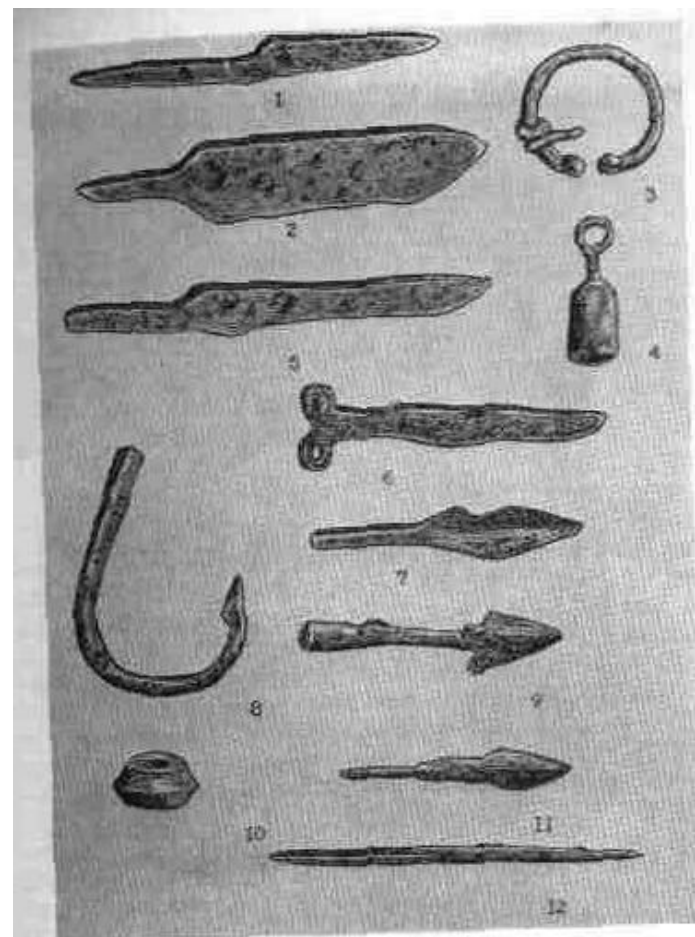

Формы керамики, характерные для поселений Постерья.

ные поселения явно выделялись своими размерами. К ним относятся селища Горошково и особенно Прость, протянувшиеся на сотни метров параллельно берегу Ильменя.

При археологических исследованиях С. Н. Орлова на поселениях Георгий и Прость были найдены скопления обожженных камней —развалы печей-каменок, куски глиняной обмазки, которой промазывались пазы между бревнами. Остатки самих жилищ, представлявших собой наземные срубы, обнаружить не удалось, поскольку органические вещества на селищах с незначительным культурным слоем быстро разлагаются. Однако по аналогии с другими памятниками Приильменья можно полагать, что и здесь срубные постройки были небольших размеров (4X4, 5X5 метров), с печью-каменкой в углу. Топившиеся по-черному, они в немалой степени напоминают нам современные деревенские бани.

Основной находкой на поселениях являются обломки глиняных горшков, слепленных вручную, без приме-

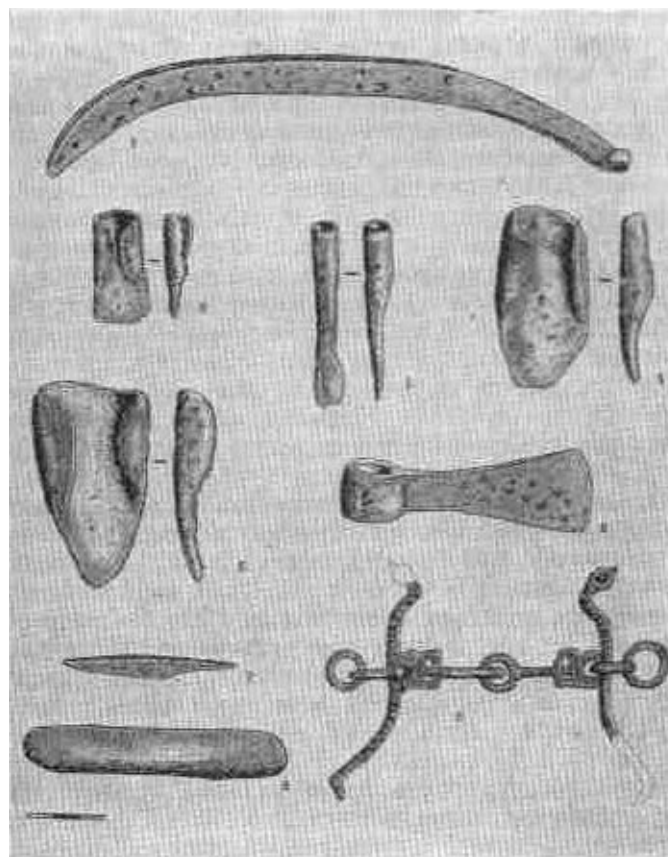

Находки из древних поселений Постерья:
1, 2, 3, 4 — ножи; 5 — фибула; 6 — привеска; 7, 8, 11 — наконечники стрел; 9 — рыболовный крючок; 10 — рыбешка; 12 — шило.

пения гончарного круга. Последний появляется в Приильменье лишь в первой половине X века. Лепная посуда была представлена в основном грубыми горшками вытянутых пропорций, с четко выраженными плечиками. В литературе этот тип керамики называется «ладожским» — по месту первых, наиболее массовых находок. Горшки, как правило, не орнаментировались. И хотя они заглаживались пучком травы или мокрой тряпкой, на поверхности выступали крупные зерна дресвы — толченого жженого камня.

Среди изделий из железа наиболее часто встречаются ножи и стрелы. Особый интерес представляет нож с двумя завитками на конце рукояти, найденный на поселении у деревни Георгий. Это довольно редкая находка. Подобные ножи были распространены главным образом на территории Польши, в Подунавье и реже в среднем Поднепровье, то есть на исконных славянских землях. Некоторые исследователи считают, что такие ножи име-

20

Клад орудий труда из Холмского городка.
 1 — коса; 2 — тесло; 3 — пещня; 4, 5 — наральники; 6 — топор; 7 — нож; 8 — каменный точильный брусок; 9 — удила со псалникой.

ли особое, скорее всего, ритуальное назначение И Использовались славянами-язычниками при жертвоприношениях.

И уж совсем сенсационная находка была сделана в 1981 году при раскопках Холопьевого городка. В заполнении большой углубленной постройки, идущей вдоль края площадки, был найден клад сельскохозяйственных орудий, два наральника — железных наконечника пахотных орудий, две косы, топор, мотыжка-гесло, пешня, скобель, нож, каменное точило и изумительные уди- ла с псалиями в виде схематизированных конских фи-' гурок. Последние были инкрустированы латунью и вставками синего стекла на месте глаз. В составе клада в вещественной форме воплотились основные стороны хозяйства населения Приильменя, и прежде всего его земледельческая направленность. Клад был спрятан в начале IX века.

Как показал анализ, проведенный Л. С. Хомутовой в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР, все эти предметы были сделаны из мягкого железа и малоуглеродистой сырцово- стали по очень архаичным технологическим схемам. Это указывает на то, что изделия из клада были откованы деревенскими кузнецами-универсалами, изготавливавшими все необходимые предметы для нужд своей общины. Еще один наральник и коса, примерно этого же времени, найдены -в Деревяницах.

При археологических исследованиях крайне редко, обычно случайно, удается найти и четко датировать следы работы древними пахотными орудиями. Под раскопанным в 1980—1982 годах ритуальным сооружением конца I тысячелетия нашей эры у деревни Коломо в юго-западном Приильменье были зафиксированы на фоне материка длинные прерывистые темные полосы гумуса — следы древней распашки. Пахота велась по двум взаимно перпендикулярным направлениям, бла-

годаря чему достигалось лучшее разрыхление почвы.

Немыми свидетелями той эпохи являются и огромные погребальные насыпи — сопки. Более тысячи сопок разбросано по высоким берегам рек ильменского бассейна— Ловати и Полы, Меты и Шелони. Порой укрепленные каменными венцами, окруженные кольцевыми рвами и достигающие 10—12 метров высоты, эти насыпи представляли собой семейные усыпальницы родовых коллективов. Умерших славяне-язычники сжигали на погребальных кострах, а прах собирали и переносили в сопку. При совершении новых захоронений сопки надсыпались, Сопки всегда располагались рядом с поселениями и теперь являются хорошим ориентиром для их поиска.

Исследователи неоднократно обращали внимание на, казалось бы, незначительное количество подобных погребальных памятников под Новгородом. Высказывали различные соображения. Сейчас, после проведения широких археологических исследований в этом районе и систематизации старых источников, на данный, вопрос можно ответить вполне определенно. Концентрация сопок вблизи Новгорода была ничуть не меньшей, чем в других местах, но интенсивная хозяйственная деятельность человека привела к полному уничтожению большинства из них еще до того, как они попали в поле зрения ученых и краеведов.

Известные сопки и поселения в городской округе, как и повсюду на Новгородской земле, располагались в непосредственной близости друг от друга. Единственная сохранившаяся до настоящего времени сопка в верховьях Волхова находится в Хутыни, в 150 метрах к юго-западу от древнего поселения, при въезде на турбазу. Это внушительная насыпь диаметром 25 метров, с крутыми склонами, достигающая и сейчас высоты 5 метров. Вершина сопки, к сожалению, скрыта при устройстве на ней

в начале XIX века часовни. В 1981 году в 100 метрах от этой насыпи при раскопках построек монастыря были совершенно случайно открыты остатки либо второй сопки, либо культового сооружения. Можно предположить, что комплекс находившихся здесь памятников языческого времени был более сложен.

В Поозерье сравнительно хорошо сохранилась лишь одна сопка — у деревни Горошково на Веряже. Ее высота — 3 метра при диаметре 18 метров. В 500 метрах к северо-западу от нее, у деревни Любоежа, на поле заметны остатки еще одной насыпи, раскопанной в 1931 году сотрудниками Новгородского музея. В широкой траншее, перерезавшей сопку, были встречены скопления крупных валунов и два пятна древесного тлена. В центральном пятне диаметром 2,5 метра найдены косточки и железное колечко. Еще одна сопка, разрушенная при возведении на ней деревянной часовни, а во время войны почти полностью перерытая окопами и блиндажа,

ми, находится на берегу Ильменя, вблизи деревни Береговые Морины.

Самое крупное скопление сопки в районе Новгорода (до 7 насыпей), не сохранившееся до наших дней, зафиксировано на возвышенностях у деревень Болотове, Ушерско и Родионово. З. Д. Ходаковский, бывший здесь в 1821 году, писал: «...в сей окрестности, где Битера соединяет свою воду с Волховцом... едучи мимо Ушерской и Великополя, видел я, как они (сопки. — *Авт.*) расставлены по холмам и в одном направлении между севером и востоком, то есть параллельно Волхову».

Примечательно, что в новгородских легендах Болотову уделено особое место. Сохранились предания об одной из сопки как о могиле Гостомысла, а о Волотовом поле — как о месте захоронения новгородских богатырей (БОЛОТОВ). Овеянные легендами, эти загадочные насыпи влекли к себе и местных кладоискателей, и археологов. Надеждам З. Д. Ходаковского, предпринявшего первые раскопки в Болотове, не суждено было сбыться. Не богатая могила славянского вождя открылась пытливому взгляду исследователя, а лишь отдельные кости животных. Но интерес к этой группе курганов не ослабевал. В 1878 году при раскопках, проводимых Н. Г. Богословским, присутствовал даже один из членов царской фамилии. И снова было открыто лишь кострище с мелкими пережженными костями да черепа позднейших захоронений. Перед самой Великой Отечественной войной к исследованиям курганов близ Болотова обратились новгородские археологи А. А. Строков и В. А. Богусевич. Известно, что им удалось найти остатки тру-посождений с предметами IX века. Но все материалы и документация погибли во время войны.

Конечно, места расположения многих уже исчезнувших сопки останутся неизвестными исследователям. Ведь не будь случайного упоминания З. Д. Ходаковского о сопке у деревни Воцкое на реке Питьбе, срытой при

строительстве Петербургского тракта еще до 1820 года, мы не узнали бы о существовавшей здесь погребальной насыпи.

Однако новые поиски не безнадежны, и открытия могут быть самыми неожиданными. Так, при поисках древнерусского могильника XI—XII веков, проводимых на Нередицком холме, в раскопе удалось раскрыть основание сопки, окруженное рвом шириной 7 метров и глубиной 1,2 метра. Здесь были найдены фрагменты лепной керамики сопочного типа, определенно указывающие на время создания этого сооружения.

Еще более удивительное открытие ждало археологов в Деревяницах. Медленно продвигались раскопки древнерусского грунтового могильника XI—XIII веков, одно за другим раскрывались захоронения жителей крупного пригородного села. Но многое вызывало недоумение. Почему погребения находились в слое мешаного песка? Откуда появились между ними включения золы и угля, отдельные пережженные кости человека, оплавленные вещи VIII—X веков? И уж совсем непонятными стали скопления побывавших в огне камней, встреченные ниже уровня древних могил.

Когда была вскрыта значительная площадь, взору археологов представилась поразительная картина. Камни шли широкой полосой в 3—4 метра по рву шириной 6 метров и глубиной до 1,5 метра, окружавшему материковый останец диаметром 20 метров. На первый взгляд это сооружение казалось каким-то языческим святилищем... Но разгадка была более прозаичной.

После анализа всех данных стало ясно, что найдены остатки неизвестной сопки. Об этом свидетельствовало само расположение открытого сооружения на краю древнего поселения, что характерно для сопок, совпадали с сопочными размеры материкового останца и рва, а также датировка найденных во рву предметов, отнесенная к VIII—X векам. А самое главное — получили объясне-

ние встреченные между могилами кальцинированные кости и оплавленные предметы, происходившие из разрушенных сопочных погребений. Следовательно, перед устройством древнерусского могильника насыпь сопки была скрыта почти до основания.

Работы в Деревяницах показали, что иногда можно не только находить места расположения некогда существовавших сопок, но и получать дополнительные материалы, характеризующие эти погребальные памятники. Прежде всего, интересны развалы камней во рву сопки. Лежавшие в слое угля и золы обожженные камни хотя и шли сплошной полосой, но в некоторых местах образовывали более плотные скопления диаметром 1,5—2 метра. Нет сомнения, что это остатки ритуальных очагов и БЫМОСТОК, где горели священные костры в честь пред-

ков. В 1975 году подобные каменные конструкции были открыты в ровике одной из сопки у деревни Золотое Колено на реке Мете.

Находки в сопках скудны, и тем интереснее вещи из разрушенных деревянных захоронений. Среди них различные стеклянные бусы (желтые лимонки и многочастные пронизки, полосатая бусина), бусины из сердолика и горного хрусталя, предметы из бронзы: пластинчатый перстень и круглый проволочный браслет с нарезкой по краю. При разборке камней встречены желтый рубленый бисер и две стеклянные цилиндрические пронизки, состоящие из чередующихся поперечных полосок красного, синего, желтого и белого стекла и мозаичных глаз-ков, имеющих в центре шахматный рисунок в виде крестика, окаймленный зелеными ресничками. Бусины и сейчас не потеряли свежести красок и не могут не привлечь внимания к изумительному искусству древнего мастера. Неожиданной была находка во рве сопки сошника и косы. То, что они лежали рядом, говорит о их неслучайном попадании сюда, хотя объяснить этот обычай мы не можем.

Судя по аналогиям вещей, погребения в сопке совершились в VIII—X веках. Верхняя дата—X век — особенно важна, ведь до недавнего времени господствовало мнение, что в сопках перестали хоронить на сто лет раньше.

Сопки могли находиться около древнейших поселков на холмах, где впоследствии раскинулся сам Великий Новгород. Если знаток местной старины В. С. Передольский был прав в своих наблюдениях, то одна такая насыпь существовала близ Зверина монастыря еще в прошлом веке.

Как мы видим, в последние столетия I тысячелетия нашей эры северо-западное Приильменье являлось плотно освоенной славянами поселенческой областью, ядром их племенной территории. Здесь же, в Перыни, находи-

лось и их центральное святилище — место племенных собраний, священных игрищ и поклонения языческим богам. «Это единственный памятник в своем роде,— заключил руководитель Новгородской экспедиции, член-корреспондент АН СССР Б. Л. Янин,— другого такого мы у себя не знаем».

Урочище Перынь занимает небольшой плоский холм на левом берегу Волхова при самом его истоке из Ильменя. В весеннее время Перыньский холм, увенчанный рощей, превращался в остров. Само расположение Перыни на фоне широких ильменских просторов придавало урочищу величественность и исключительную живописность. Один из ее исследователей Б. В. Седов писал: «Местные предания, доживший чуть ли не до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») и само название связывают урочище с главным языческим богом славян Перуном. По словам Третьей Новгородской летописи, в Перыни стояла деревянная статуя Перуна, которая в 989 году была срублена и сброшена в Волхов. Все это давало полное основание предполагать, что здесь был один из центров языческой религии Древней Руси». В. В. Седов подчеркивал топографическое положение урочища, сближающее Перыньский холм с холмами, на которых были расположены уже открытые и исследованные языческие святилища славян, и близость святилища к воде. Такая закономерность расположения святилищ, по его мнению, не случайна и может быть объяснена тем, что идолы, поставленные на таких холмах, были обращены на восток, навстречу первым лучам восходящего солнца и одновременно к воде.

В 1948, 1951 и 1953 годах на Перыни под руководством А. В. Арциховского и В. В. Седова были проведены археологические исследования, в результате которых на древней вершине было открыто и само святилище Перуна, представлявшее собой «круглое возвышение с гори-

зонтальной поверхностью и с вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом оригинальной формы с восемью ячейками для костров...» Диаметр этого грандиозного сооружения достигал 33 метров при ширине рва 6 метров и глубине его более 1 метра. Вокруг статуи Перуна находились изображения других языческих богов, также окруженные кольцевыми рвами.

Идол Перуна простоял в Перыни недолго. Известно, что воздвигнут он был воеводой киевского князя Владимира Добрыней в 980 году. Из этого отнюдь не следует, что святилище находилось на холме в истоке Волхова лишь восемь лет. Устойчивость названия холма и связанных с ним преданий говорит о достаточно длительном существовании здесь культового центра. Авторы раскопок Перыни отнесли время сооружения святилища «по крайней мере к IX столетию», а время его функционирования к IX—X векам. Таким образом, Добрыня поставил в 980 году статую Перуна, как верховного славянского божества, уже на месте существовавшего капища.

Перынь являлась общей святыней всех ильменских словен. Кроме подобных крупных капищ исследователи предполагают существование у славян и многих святилищ, располагавшихся обычно вблизи поселений. Их основу всегда составляли круглые площадки, обнесенные рвом или валом культового характера.

В Приильменье есть ряд памятников, заслуживающих внимания в этом плане. Один из них находится в 5 километрах от юго-западного берега Ильменя, у деревни Крломо. Это сравнительно недалеко от Поозерья. Если выйти от деревни на высокий здесь берег озера, то через залив Ильменя прекрасно видны устье Веряжи и деревни поозеров.

При обследовании группы сопок у деревни Коломо археологи заметили, что поблизости от них среди поля выступают отдельные камни, образующие круг. Они так

глубоко уходили в землю, что даже современные Тракторы при пахоте были вынуждены объезжать этот участок. Раскопки показали, что основу круга диаметром 18 метров составляли громадные глыбы, достигающие в поперечнике до 1,5 метра, к которым с внешней стороны были приложены более мелкие валуны. Что же могло быть здесь в древности?

Топографически этот круг явно составлял единое целое с сопками. Несколько фрагментов грубой лепной неорнаментированной керамики, найденные внутри него, указывали на синхронность этих памятников. Заполнение круга состояло из мощного мешаного слоя черного гумуса, угля, золы и глины, достигавшего 60—70 сантиметров, и подстилавшей его сплошной прослойки золы толщиной 5 сантиметров, под которыми открылся прокаленный материк. Отдельные крупные валуны каменного венца были пережжены до такой степени, что рассыпались. В мешаном слое собраны необожженные кости животных.

Это сооружение не могло быть погребальным памятником,— здесь не было захоронений. Не могло оно быть и местом сожжения умерших,— здесь не было кальцинированных костей и обломков оплавленных предметов. Остается лишь одно предположение: это остатки местного святилища. На площадке, окруженной камнями, неоднократно разводился огонь. По убеждению древних славян, дым священных костров должен был донести их жертвы и просьбы на небо. А вдруг перед нами небольшое святилище Перуна? Огонь всегда сопутствовал его культуре. «Ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий за дубового древня непрестанно лаляху»,— сообщает летописец. И возможно, единственная вещевая находка из каменного круга — изящный наконечник стрелы из кремня — косвенно подтверждает это. Каменные стрелы славяне называли «громовыми» или «перу-новыми». По их представлениям эти предметы предох-

раняли от молнии и нечистой силы. Верховный бог славян Перун, владыка грома и молний, каменными стрелами-молниями поражал своих врагов.

Здесь будет уместно вспомнить и о недавней находке ленинградского археолога В. А. Булкина в Хутыни. Недалеко от сохранившейся тут сопки, по словам автора раскопок, были открыты «остатки погребального или культового памятника языческого времени» — часть кольцевидной в плане кладки из валунов, внутри которой находилась яма, выложенная камнями, перекрытыми горелым слоем с костями животных. Нет ли здесь соответствия с каменным кругом в Коломо? Невольно вспоминается известное старое объяснение названия Ху-тыни из легенды об основании этого монастыря. Когда Варлаам Хутынский, в миру знатный новгородский боярин Олекса Михалевич, в XII веке поставил здесь свою келью, это живописное место на огромном холме над Волховом при впадении Волховца пользовалось недоброй славой. В народе этот холм называли Хутынь или Худынь, а расположенное поблизости болото — Дрянь. Здесь, как верили, обитала нечистая сила, которую святой изгонял своими молитвами.

Наивно было бы принимать это объяснение всерьез с этимологической точки зрения. Название места происходит от древнего славянского имени Хот. Переход «о» в «у» обычен для древнерусского языка. Хутынь (Хотынь) — «принадлежащее Хоту», как сказали бы мы сейчас, Хотово. Аналогично Перынь означает «принадлежащее Перуну». Кроме того, место вовсе не было глухим и нежилым. Здесь, как мы уже упоминали, в конце I тысячелетия нашей эры существовал славянский поселок. И все же легенды никогда не появляются случайно. Не отражает ли она в данном случае отголоски борьбы христианства с традиционным почитанием этого места язычниками?

Итак, район истока Волхова и Поозерье представ-

ляли в конце I тысячелетия нашей эры плотно освоенную славянами территорию, на которой находились многочисленные поселки, погребальные насыпи — сопки, племенное святилище в Перыни и, возможно, несколько местных святилищ.

На великих водных путях

Почти одновременно с появлением славян в Прииль-мекье во второй половине VIII века стал складываться великий торговый путь древности, связавший Балтику с исламским Востоком и пронизавший сетью водных дорог лесные пространства Восточной Европы.

Становление торговых связей со странами арабского Халифата было обусловлено потребностью населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье, а арабских купцов—в предметах славянских промыслов. Часть серебра доходила до Северной Европы.

Территория складывающейся Новгородской земли по причине своего выгодного географического положения— в районе находились обширные системы рек, впадающих в Ильмень (Ловатн, Полы, Меты, Шелони),— оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления. «Край сам по себе бедный,—писал патриарх славянской археологии А. А. Спи-цып,— но он лежит между Востоком и Западом и поэтому при усилении Востока приобрел большое значение как неизбежный посредник в торговле».

Восточный путь шел по Волге, затем волоком переходили на Полу или Мету, и далее маршрут пролегал к Ильменю. Особое место здесь занимал исток Волхова, куда, как в гигантскую воронку, втягивались торговые караваны. Отсюда плыли на север — к Ладоге и по Неве в Балтийское море.

Еще более возросла роль Волхова, когда в IX веке начал складываться другой великий путь средневековья— путь «из варяг в греки», связавший Новгородскую и Киевскую Русь и ставший главным стержнем Древнерусского государства.

Клады восточного серебра как бы высвечивают на карте тонкие линии — пути, по которым шли предприимчивые торговцы. И где кладов много, оказываются наиболее сложные участки пути — волоки и пороги, а также перекрестки водных дорог и крупные поселения. Это не случайно. Клады прятали в минуты опасности, прятали там, где больше всего была неуверенность в своих силах. Далеко не всегда оставивший их человек возвращался обратно...

Средневековая торговля зачастую граничила с грабежом. Купец-воин не расставался с мечом не только потому, чтобы защитить себя и свои товары, но и для того, чтобы при случае самому силой захватить новую добычу. Жители небольших лесных поселков не ждали добра от вооруженных отрядов купцов, и поэтому сельское население старалось избегать оживленных водных магистралей. В районах, через которые проходили торговые пути, возникали, прежде всего, укрепленные поселения. Они служили защитой для населения близлежащей округи, а также опорными и контрольными пунктами на водных дорогах. Такие поселения становились центрами ремесла и торговли, в них сосредоточивались местная власть и социальная верхушка общества, и именно они развивались затем в города.

Но не только местное население притягивали эти пункты. Активную роль там играли и заморские гости— купцы, воины, ремесленники. На торговых путях Северо-Запада наряду с ильменскими словенами можно было встретить выходцев из Скандинавии и западнославянских земель.

Последние археологические находки в Старой Ладоге показали, что скандинавы впервые появились в низовьях Волхова в середине VIII века. Особенно убедительно это подтверждается открытием в древнейшем строительном горизонте Ладоги скандинавского производственного комплекса, начало функционирования которого, судя по точным дендрохронологическим датам, относится к 760 году.

Исследования археологов ГДР позволили сделать вывод о достаточно ранних непосредственных и регулярных морских связях южного берега Балтийского моря, который был населен западнославянским племенем поморян, с Поволховьем и балтийско-волжским путем в целом. Показательно, что наибольшее число кладов арабского серебра на южном берегу Балтики относится ко времени около 850 года, тогда как в Скандинавских странах арабские серебряные сокровища встречаются лишь после середины IX века.

«Плывут полунощные гости... Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким стройным носом — драконом... Около носа и кормы на ладье щиты привешены... Паруса своей пестротой наводят страх на врагов... Идут варяги на торг или на службу». Так ярко передал свое ощущение прошлого, начиная путешествие по пути «из варяг в греки», Н. К- Рерих.

Справедливо отмечал в свое время С. М. Середо-нин, что для мореходов Нева представлялась широкой протокой Ладожского озера — летописного озера Нево, которое своей обширностью производило впечатление моря больше, чем Финский залив. Только войдя в устье Волхова, они понимали, что море уже осталось позади. В низовьях Волхова, при впадении реки Ладожки, находился крупный центр Северной Руси — Ладога. Географическое положение Ладоги на значительной водной артерии, ведущей в глубь материка, предопределило ее

важную роль в качестве торгово-транзитного поселения на балтийско-волжском пути и пути «из варяг в греки». Ладога была международным торжищем на северной окраине славянского мира, базовым пунктом, где готовились к плаванию торговые караваны: в одну сторону — по морю, в другую — по рекам Восточной Европы, через волоки и пороги.

В Ладоге найдено четыре клада восточных серебряных монет — дирхемов VIII—X веков, в том числе один из древнейших известных на Руси клад 789 года. Находки археологов говорят о многоэтничном составе населения поселка. Это подтверждают и различные типы погребальных памятников в его окрестностях.

Расположение всех известных на Волхове укрепленных поселений было подчинено нуждам торгового пути. Они известны либо в наиболее опасных местах — у порогов, либо на расстоянии дневного перехода друг от друга.

Первые серьезные испытания ждали торговые караваны уже в 9 километрах вверх по течению от Старой Ладоги. Здесь, где сейчас Волховская ГЭС, начинались опаснейшие Волховские пороги. Достаточно сказать, что две трети падения уровня Волхова приходились на девятикилометровый участок порогов, где река стремительно мчалась меж отвесными берегами высотой до 30 метров. «А Волхов внизу кипел и шипел,— писал Н. К- Рерих. — Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды все же кое-где торчали камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатывалась вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье груженная баржа проходит несколько десятков верст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого снимают от руля в обмороке — таково сильное нервное и физическое напряжение».

Условия перехода через пороги подробно описаны В договоре 1270 года Новгорода с Ганзейским союзом га-

родов. Когги — суда, на которых немцы привозили свои товары в Новгородскую землю, не могли пройти Волховских порогов. Товары перегружались на новгородские плоскодонные ладьи, которые вели к Ильменю местные лоцманы. Но и опытные лоцманы не были застрахованы от неудач при преодолении порогов, о чем свидетельствует четкое разделение ответственности: за саму ладью немецкий гость не отвечает, а лоцман не отвечает за затонувший товар.

Исследователи справедливо считают, что вся организация перехода через пороги была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений от более раннего времени. И действительно, перед порогами у деревни Новые Дубовики в VIII—X веках находилось укрепленное валом высокое городище, к которому примыкал обширный посад, а поблизости тянулись цепочки сопок.

В 30 километрах от Волховских порогов начинались еще одни — Пчевские. Они тянулись на 9 километров и создавали немалые трудности для судоходства. У начала порогов около деревни Городище также находилось укрепленное поселение с посадом, а напротив него, на другом берегу Волхова, у деревни Подсопье известна группа сопек.

Можно говорить еще об одном городище на пути к Новгороду, у деревни Городок на высоком правом берегу Волхова. В близлежащей деревне Вылеги в 1882 году был найден клад восточных дирхемов, в котором самая поздняя из монет датируется 807 годом. По мнению ученых, в Вылегах находилась одна из пристаней, упомянутых в договоре с Ганзой.

Непосредственно перед Новгородом, у Хутыни, Волхов раздваивался, и к Ильменю можно было плыть разными путями. Контроль над *этим* ключевым пунктом осуществлял Холопий городок, или Дреллеборг, что является точным переводом русского названия, Он пред-

етайлял собой вытйнутый вдоль Волхова холм с крутыми склонами, возвышавшийся среди болотистой поймы. Во время паводков городок на долгое время превращался в остров, что давало ему дополнительную защиту. При раскопках здесь обнаружены слои первой половины IX века, и сейчас это одно из древнейших известных поселений в истоке Волхова.

В октябре 1979 года при случайных земляных работах у основания холма был обнаружен самый ранний в окрестностях Новгорода монетный клад. В Новгородский музей поступило 24 монеты: 20 арабских дирхемов и 4 иранские драхмы, отчеканенные в VI—VII веках, при династии Сасанидов. Клад был спрятан в начале IX века, поскольку самая поздняя монета датируется 811 годом.

С другого конца раздвоения Волховского водного пути, в истоке Волховца, находилось известное Ргари-ково городище. По своей топографии и функциям оно явно сближалось с Холопым городком. Однако значение этого сторожевого пункта было гораздо большим, поскольку здесь сходились пути, шедшие не только с севера — по Волхову, но и с юга — по Ловати и Поле, с востока — по Мете и с запада — по Шелони. Но чтобы от устья этих рек попасть к истоку Волхова, нужно было пересечь Ильмень — былинное Словенское море. Это было непросто.

Безбрежная гладь озера, приветливо встречавшая мореходов в ясный день, могла внезапно превратиться в грозную стихию. Даже небольшой ветер, вырываясь на открытый простор, разгонял на мелководье огромную волну, разбивал ладьи и рассеивал караваны. Трудно было найти спасение у низких берегов, лишенных бухт.

Даже в XVIII—XIX веках плавание по Ильменю было настолько трудным, что опасности всего лишь десятикилометрового пути от устья Меты до истока Волхова

заставили российское правительство затратить громадные средства на строительство двух обводных каналов— Сиверсова и Вншерского. Что же говорить о плавании на Полу или Ловать, когда нужно было пересечь все озеро. Ясно одно — прямой путь был связан с большим риском, и любая возможность обойти озеро непременно использовалась. И отчасти она имелась.

Река Врряжа, впадающая в Ильмень, с северо-запада почти на протяжении 30 километров течет параллельно берегу озера и в своих верховьях близко подходит к Новгороду. В 1662 году именно этим путем, по Врряже, плыл к Новгороду от устья Шелопи австрийский посол Мейерберг. У Перыни Врряжа соединялась с истоком Волхова протокой Прость. Возможно, что в летние месяцы протока местами пересыхала, но весной, когда Врряжа широко разливалась, Прость была несомненно судоходна.

Любопытно уже само ее название. В древнерусском языке слово «прость» значит «прямой путь». Это — бесспорное свидетельство существования пути по Врряже к Новгороду. Первое упоминание Прости известно нам по грамоте князя Изяслава Мстиславича Пантелеймо-нову монастырю, предположительно датируемой 1134 годом. Но первое упоминание, конечно, позднее времени возникновения самого пути.

Косвенно древность использования Прости и Врряжи как водного пути подтверждается, во-первых, плотным заселением Поозерья уже в конце I тысячелетия нашей эры, а во-вторых, самим названием реки. Врряжа, как считает А. И. Попов, «означает просто «Варяжская», и притом в древнейшей форме». Правда, А. И. Попов полагает, что это название указывает «на места первоначальных поселений наемных варягов в земле новгородских словен». Это, конечно, не так. Материальная культура сельского земледельческого населения Поозерья явно не скандинавская. Другое дело,

что начало становления восточного пути, в котором скандинавский элемент сыграл немалую роль, и время появления славян в Поозерье, как мы уже писали, совпадали, что и объясняет закрепление названия «Врряжа» в славянской среде.

От устья Врряжи на Ловать и Полу путь пролегал через залив в западной части Ильменя, куда впадала Шелонь. При господстве в Приильменье западных и северных ветров этот участок озера был более спокойным, чем остальные. Начиная от Коростыни характер берега резко менялся. Высокий известковый уступ, достигавший 16 метров высоты, обрывом спускался к самой воде. При сильном ветре огромные валы с ревом разбивались о скалы. Не случайно еще в прошлом веке вдоль юго-западного берега озера сооружались каменные косы для укрытия лодок в непогоду.

Самым удобным естественным убежищем для стоянки судов было устье реки Псижи. Ее высокие берега давали прекрасную возможность переждать ненастье.

Сейчас эти места полностью освоены, большинство древних памятников безвозвратно погибло, но кое-что в устье Псижн все же сохранилось. Это три сопки на правом берегу реки, между деревнями Устьрека и Старо Солобско, селище на изгибе Псижи при впадении ручья и древнерусский курганный могильник. В конце 1970-х годов он насчитывал около 10 насыпей, но, как свидетельствуют старожилы, раньше курганов было значительно больше. Вероятно, в древности здесь существовало крупное курганное кладбище, впоследствии уничтоженное. Селище и сопки не исследованы, а раскопки нескольких курганов, проведенные в 1969 году Б. Д. Ершевым, дали интересный материал.

Курганы представляли собой полусферические насыпи высотой около 1 метра и диаметром 9—10 метров, сооруженные из песка и камней. Умерших клали на

уровне древней почвы, головой на запад, и затем возводили насыпь. Раскопки показали, что это необычное сельское кладбище.

Прежде всего обращает на себя внимание захоронение купца. В этом погребении зафиксированы остатки роскошного кожаного пояса, украшенного многочисленными, литыми из бронзы, орнаментированными бляшками ромбической и миндалевидной формы. Крупные бляшки крепились собственно к поясу, а мелкие — к подвешенным перпендикулярно ему ремешкам, оканчивающимся бронзовыми наконечниками. Столь богатые поясные наборы, широко распространенные в странах Востока, довольно редко встречаются в погребениях Древней Руси. Они указывают на принадлежность костюма представителю социальной верхушки. На поясе висели нож в ножнах с металлической обкладкой и маленькие складные весы в кожаном футляре, предназначенные для взвешивания драгоценных металлов, прежде всего серебряных монет. Они состояли из двух бронзовых чашек и коромысла с железной иглой. Здесь же были найдены серебряный перстень и четыре сферические гири с уплощенными полюсами, сделанные из железа и покрытые медной оболочкой. На плоских сторонах гирек специальными углублениями обозначался их вес.

В соседнем кургане при раскопках женского погребения были найдены различные бусы, проволочные височные кольца, перстень, ножи и привеска, сделанная из серебряной германской монеты — денария Оттона и Адельгейды (991—995 гг.). Самая интересная находка — изящный глиняный горшок биконической формы, сплошь покрытый линейным и волнистым орнаментом. Это типичная западнославянская керамика, широко известная на территории Польши и Северной Германии. В Приильменье она могла быть либо привезена издалека, либо изготовлена здесь приезжим мастером, Под-

леднее более вероятно. Керамика была слишком хрупким и дешевым товаром, чтобы везти ее за много сотен километров по сложнейшему пути.

Эти находки показывают, что в устье Псижи располагалось не рядовое сельское поселение, а торгово-ремесленный пункт на великом водном пути. Немало таких поселений в IX—X веках существовало в различных узловых точках торговых магистралей. Многим из них суждена была долгая жизнь, но некоторые, как и поселок в устье Псижи, исчезли, так и оставшись для нас безымянными.

Миновав Ильмень, караваны уходили вверх по Лова-ти, к волокам на Западную Двину и Днепр, а по Поле — на верхнюю Волгу. Здесь также известны городища, связанные с торговыми маршрутами. В низовьях Ловати нельзя не упомянуть городище у деревни Вряс-ко, название которой переключается с названием реки Веряжи. На Поле и ее притоках заслуживают внимания городище Кпяжая Гора, замыкавшее раздвоение пути на озеро Селигер и на реку Тверцу, а также укрепленные поселения Любно, Молаотицы и Марево.

Описанный путь от истока Волхова по Прости, Веряже и вдоль южного берега Ильменя являлся основным. На Волгу можно было попасть и по Мете, но этот маршрут был несравнимо сложнее, чем переход по Поле, из-за многочисленных порогов, самые грозные из которых — Боровичские — тянулись на 30 километров. Приоритет Полю подтверждают и находки кладов. Если здесь обнаружено три клада арабского серебра, самый ранний из которых относится к 820 году (Демянск), то на Мете лишь один — 866 года, зарытый как раз перед Боровичскими порогами.

Торговые пути оказали значительное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие прилегающих к нему территорий. Это отразилось в разме-

Щении поселений и погребальных памятников у наиболее сложных ключевых участков водной магистрали, в концентрации кладов восточных монет в низовьях и верховьях Волхова, в находках на поселениях предметов международной торговли.

Новгорода

У ИСТОКОВ

Почему центр ильменских словен, один из древнейших русских городов, назвали Новгородом, то есть Новым городом? Существовал ли, а если да, то где, Ста* рьтй город? Этот вопрос издавна волновал русских историков и краеведов. На эту роль неоднократно выдвигали Старую Ладугу, Старую Руссу, Киев, Городище — резиденцию новгородских князей, расположенную близ города, а некоторые исследователи связывали появление названия «Новгород» с переносом центра города внутри его собственной территории.

И все же чаще всего противопоставлялись Новгород и Городище. Этому способствовали два момента. Во-первых, сами названия: «новый город» и «место города бывшего» — городище; во-вторых, сообщение поздних русских летописей второй половины XVII—XVIII века об основании Новгорода близ старой столицы ильменских словен — Славенска. Именно о такой роли Городища писал в наши дни известный исследователь новгородской истории М. К. Каргер.

В последнее время гораздо большее распространение получила концепция, выдвинутая руководителем Новгородской археологической экспедиции В. Л. Яниным и историком М. Х. Алешковским. По их мнению, на территории Славенского, Неревского и Людина концов существовало три разноэтничных поселка — городка, население которых, объединившись, построило Детинец—

новую общую крепость, которая и дала название всей столице Северной Руси.

Авторы убедительно показали, что решать проблему становления города следует на материалах поселений в истоке Волхова, а не отстоящих от него на сотни и тысячи километров. Вместе с тем отсутствие на территории города археологических данных, синхронных событиям древнейшей русской летописной истории, не позволило решить вопрос окончательно. Дело в том, что, хотя уже с начала широких археологических исследований в Новгороде в 1932 году одной из основных задач, стоявших перед археологией, было отыскание слоев IX века, их найти не удалось. Раскопы закладывались на самых перспективных участках — на Славне, Ярославовом дворище, в кремле, высказывались различные предположения, но цель оставалась недостигнутой. И в 1956 году тогдашний руководитель Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховский заключил: «Слоев VIII и IX веков в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием города», «неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX века или более раннее. В городе еще много нераскопанных участков. Но одно ясно: города в IX веке не было. На нераскопанных участках ему просто негде поместиться. Могло быть небольшое поселение».

В последующие годы интенсивные археологические исследования Новгорода продолжались, причем в целях охраны культурного слоя в местах, отведенных под строительство, раскопы закладывались в различных частях города. «На протяжении последних лет,— констатировал В. Л. Янин в 1977 году,— раскопки были проведены на четырнадцати участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трех из них были обнаружены постройки X века. На остальных, часть которых нахо-

дится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, XIII, а порой и в XIV веках». Данных о более раннем заселении до сих пор не имеется.

Вместе с тем в последние годы получены новые сведения о поселениях Новгородской округи, а раскопки на Городище дали обильный материал, позволивший впервые определенно говорить о месте этого памятника в процессе становления города.

Южнее Новгорода, близ истока Волхова из Ильменя, находится возвышенность, называемая Городищем. Это одно из древнейших и красивейших пригородных урочищ. «Богатое место Городище! — писал Н. К. Рерих.— Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастыри. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изо-

гнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются — Лядка, Болотове, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородекий монастырь, Никола на Лигше, за лесом синее Бронницам...

Городище — первая, считая от Ильменя, возвышенность по правому берегу Волхова, в двух километрах от Новгорода. Вытянутое в сторону церкви Спаса на Нередице, всхолмление ограничено с запада Волховом, с юга Спасовским ручьем — мелкой застойной протокой, а в северном и восточном направлениях оно постепенно понижается, переходя в Волховскую пойму.

Сейчас взору туриста, плывущего на теплоходе из Новгорода в Скит, Городище предстает запятым полями холмом, на вершине которого возвышаются руины церкви Благовещения, варварски разрушенной фашистами в годы Великой Отечественной войны, и два домика — остатки одноименного села. Южная часть возвышенности перерезана прямым как стрела, полноводным Сиверсовым каналом. Общая площадь Городища составляет около 10 гектаров.

В древности топография этих мест была иной. До строительства Сиверсова канала Малый Волходец, крупный рукав Волхова, протекал по руслу современного Спасовского ручья, далее круто поворачивал к церкви Спаса на Нередице. При сооружении канала Волходец был перерезан, а его название перенесено на другой рукав Волхова — Жилотуг. Таким образом, в древности городищенский холм и окружавшая его территория представляли собой остров, омываемый Волховом, Волховцем и Жилотугом.

Общее восприятие Городища как всхолмления на острове сейчас особенно затруднено из-за огромной земляной насыпи недостроенной железной дороги Петроград—Орел, которая проходит неподалеку от церкви Спаса, на Иередице, перекрывает прежнее русло Вол-

ховца и с востока на запад пересекает низменную часть острова.

Значение Городища в новгородской истории, казалось, должно было бы стимулировать его широкие археологические исследования. Но этого не произошло. Хотя первые археологические работы на памятнике были проведены новгородским историком М. И. Полянским еще в 1901 году, вплоть до последнего времени скептицизм относительно городищенских древностей был довольно прочен, и среди специалистов широко бытовало мнение о возникновении поселения лишь в связи с основанием здесь в XI—XII веках княжеской резиденции, а не во времена первого появления славян в Приильме-нье. Дело в том, что большинство работ на Городище ограничивалось разведочными шурфами и траншеями, а материалы раскопок 1934—1935 годов М. К. Картера и Г. П. Гроздилова, сделавших принципиальные наблюдения для общего понимания памятника, не были своевременно изданы, а впоследствии погибли во время войны. Только в начале 70-х годов появилась информация о раскопках на Городище М. Д. Полубоярниковой, С. Н. Орлова и Н. П. Пахомова, а с 1975 года началось его планомерное изучение, продолжающееся до сих пор.

Теперь можно достаточно уверенно говорить о времени возникновения поселения на Городище. В его нижних слоях найдена исключительно лепная керамика, то есть сделанная без применения гончарного круга. Это определенно указывает на время ранее X века, когда в Приильмье появились первые ремесленники — гончары. Большую определенность вносят монеты. В одной из построек был найден маленький клад из 7 арабских дирхемов, зарытый во второй половине IX века. В другом сооружении найдена медная византийская монета императора Феофила, правившего с 829 по 842 год. Представляет интерес и случайно найденная уникаль*

ная серебряная хорезмийская монета, отчеканенная в далекой Средней Азии при хорезмшахе Азцаваре, в последней четверти VIII века. В 1982 году обнаружен еще один клад арабских монет IX века.

И наконец, наиболее точным методом, дендрохронологическим, то есть путем изучения динамики роста годовых колец бревен, использованных при строительстве, были получены даты их рубки, самые ранние из которых — 889, 896, 897 годы. К сожалению, спилы были сделаны с построек, расположенных на периферийном участке поселения, освоенном не сразу при его возникновении, а кроме того, ко времени постройки срубов на этом месте уже успел отложиться достаточно мощный культурный слой. Итак, раскопки Городища продолжало

готсь, но уже сейчас ибзйикноьение его, по крайней мере, в середине IX века не вызывает сомнений.

Что же открыли раскопки? Как выяснилось, всхолмление при истоке Болховца из Волхова состояло из двух частей — высокого холма, возвышающегося на 12 метров над современным уровнем реки, с вершиной в районе церкви Благовещения и мысовой части, поднятой над поймой всего лишь на 1,5 метра. Правда, по общим заключениям ученых-палеогеографов уровень воды в Ильмене, вообще подверженный периодическим колебаниям, в конце I тысячелетия нашей эры был значительно ниже современного. Нередко полагали, что Сиверсов канал прошел через центр Городища. Но это оказалось не так. Была перерезана низменная мысовая часть памятника.

В древности между холмом и мысом проходил сырой овраг, расширявшийся в сторону Волхова, образуя залив, вдававшийся в глубь возвышенности на 60—70 метров. Жители Городища обладали удобной бухтой, которая была дополнительной естественной защитой.

Раскопки в этом месте показали, что высота холма над дном ложбины достигала 5—6,5 метра. При этом крутизна склона была очень велика, составляя 45 градусов. Можно предполагать, что в древности склон был эскарпирован, то есть путем подрезки ему придали большую крутизну. В ложбине накопился самый мощный на всем Городище культурный слой, достигающий толщины 6 метров, причем вся его нижняя часть (2,9 метра) содержала органические остатки и относилась к начальному периоду жизни поселения. При расчистке дна оврага были найдены дубовые сваи длиной 1,5—2 метра, заостренные с одного конца, различные дубо-, вые бревна с врубками. Очевидно, это остатки причальных сооружений.

Во время весенних паводков данный участок постоянно подтапливался, что делало его неудобным для уст-

ройства жилищ. Как удалось установить, Дома здесь строили на специальных гидронзольрующих подсыпках из глины, укрепленных бревенчатой обноской. Поэтому низменная часть Городища являлась, в первую очередь, хозяйственной зоной, что косвенно подтверждается и редкостью находок, обычных для мест расположения жилищ (бус, украшений и т. д.). Здесь должны были находиться сооружения, связанные с обслуживанием судов — их ремонтом, содержанием в зимний период, смолением, оснащением, а также помещения для хранения и ремонта рыбацких снастей. Здесь же держали скот, о чем свидетельствуют пласты навоза в раскопках,

У подножия холма был открыт комплекс однотипных хозяйственных сооружений. Это были глинобитные печи с мощным подом из камней и глины, укрепленным по кругу вбитыми наклонно березовыми и дубовыми кольями. В разные периоды своего существования с конца IX до середины X века печи находились на открытом воздухе, ограниченные с трех сторон бревенчатой обноской в три венца, внутри дворика с плетневыми стенами или в небрежно срубленной постройке размерами 3 X 5 метров. Аналогичная печь открыта при раскопках Старой Ладоги. Печи были вынесены за пределы густонаселенной части поселения, в сырую ложбину, несомненно в противопожарных целях, хотя их расположение на толком участке влекло за собой массу неудобств — стены конструкций проседали, расползались и требовали постоянного ремонта.

Раскопки не дали прямых свидетельств о функциональном назначении глинобитных печей. Они явно отличались по конструкции от печей, открытых в жилищах и сложенных из камня. находка первоначально поставила археологов в тупик. Путь к разгадке указала этнография.

Печи, вынесенные за пределы жилищ, часто стоящие

во дворе или на бгорьдѣ, известны у многих народов, Их строили специально для выпечки хлеба, хотя использовали и для иных нужд. Среди славянских народов наружные хлебные печи широко распространены у великорусов южных областей: украинцев, словаков, сербов, болгар. Часто над печами делались легкие навесы, вокруг них строились ограждения от скота. Печами пользовались и в летнее, и в зимнее время, иногда члены нескольких семей.

Есть основания полагать, что в средние века печи на улице были нередки и у русского населения лесной зоны Восточной Европы, но мы о них знаем мало из-за скудости источников. Правда, в писцовых книгах XVI века упоминаются «хлебни и поварни», а при описании новгородских усадеб 1612—1613 годов указаны наружные печи с «припередком» (видимо, каким-то легким навесом).

Безусловно, глинобитные печи с Городища, вся конструкция которых служила длительному сохранению ими тепла, как и аналогичная ладожская печь, использовались для выпечки хлеба. Летом, когда избы старались вообще не топить, использование печей могло быть шире. Опять же по данным этнографии, в летних кухнях наряду с пищей готовили и корм скоту. Поэтому, видимо, не случайно на Городище к срубнку с глинобитной печью с внешней стороны было прислонено деревянное долбленое корыто для кормления телят или поросят. Таким образом, отдельно стоящие глинобитные печи IX—X веков — это предшественники русских средневековых хлебен и поварен.

И еще одно интересное обстоятельство. Точно такие по конструкции наружные печи сейчас известны, кроме Поволховья, у западных славян. Этот факт является первым бесспорным археологическим свидетельством об этнических связях северных групп славян, о чем неоднократно писали лингвисты и историки.

Основной заселенной частью Городища в начальный период существования поселения был верх холма на всем его двухсотметровом протяжении вдоль берега Волхова. К сожалению, этот участок сильно потревожен за многовековую историю Городища, кроме того, здесь не сохраняются органические остатки, и, снимая культурный слой, археологи раскрывают лишь нижние части углубленных в материк построек, хозяйственные и столовые ямы. Но по находкам эта часть памятника была гораздо богаче мысовой.

Общая планировка Городища пока не восстановима, но облик жилищ мы уже можем представить достаточно отчетливо. Это были квадратные бревенчатые срубы со стенами длиной 4—6 метров и печками-каменками в одном из углов. Стены рубились «в обло», то есть так, как рубят избы в сельской местности до сих пор. Иногда к домам пристраивались сени, где и находился вход. Разнообразные находки с Городища говорят о широких торговых связях его обитателей. Об этом свидетельствуют три клада арабских дирхемов IX—X веков, а также многочисленные отдельные восточные и византийские монеты, встреченные как в раскопках, так и в местах разрушений культурного слоя. Непременные свидетели торговых сделок—маленькие граненые медные гирьки — обычная находка на памятнике. Неоднократно встречались и сами весы. Огромное количество многоцветных бус — стеклянных, сердоликовых, из горного хрусталя — проделали далекий путь от Средиземного моря, Северной Европы, Византии и Средней Азии, чтобы ярким разнообразием радовать жителей Городища. Волховским путем с севера попали на Городище костяные фризские гребни, украшенные циркульным орнаментом, различные орнаментированные бляшки-накладки. Одним из широко распространенных привозных изделий на всей территории Руси являлись пряслица из розового шифера — грузики, которые надевались на ве-

ретсна при прядении. Розовый шифер — один из видов сланца — встречается только на Волыни, к западу от Киева. Отсюда этот материал и готовые изделия расходились за многие сотни километров. В Новгороде шиферные пряслица появились вместе с первыми поселенцами. Именно такое пряслице, датированное в пределах второй четверти X века, но не позднее середины столетия, найдено и на Городище.

Датировка этого экземпляра важна для нас особенно потому, что на нем имеются черточки и буквы. Их изучение, проведенное Т. В. Рождественской, показало, что в верхней части пряслица отчетливо читаются две буквы: «н» и «ж», написанные кириллицей — алфавитом, от которого происходит современное русское письмо, а сразу под ними буква «ж», написанная глаголицей — славянским алфавитом, исчезнувшим в основном еще в раннем средневековье. Само написание одной и той же буквы «ж» знаками обеих древнеславянских систем письма, причем по расположению на пряслице в явном противопоставлении друг другу, показательным и представляется неслучайным. Человек, прочертивший буквы, как бы стремился подчеркнуть свое знакомство с обеими буквенными системами. находка пряслица свидетельствует об освоении славянского алфавита в центре Северной Руси уже, по крайней мере, почти за столетие до официального принятия Русью христианства (988 г.). Письменность, которая распространяется вместе с возникновением классового общества, появляется обычно прежде всего в центрах кристаллизации новых общественных отношений, где концентрируются нарождающиеся новые социальные группы. Так маленькая находка бытового предмета соприкасается с важнейшей проблемой — проблемой становления государственности на Северо-Западе.

Мы остановились на находках, свидетельствующих о широких внешних связях жителей Городища, но нет

сомнения, что это поселение, расположенное в центре густонаселенной области, являлось и местным рынком, куда стекались излишки продуктов сельского хозяйства и лесных промыслов.

Одним из важнейших видов деятельности жителей Городища было ремесло. В 1961 году на берегу Сивер-сова канала была сделана уникальная находка — фрагмент бронзовой фибулы. От нее сохранилась часть, представляющая собой голову мужчины, ниже которой расположена другая, меньшая голова, по-видимому животного. Как установила Г. Ф. Корзухина, эта отливка представляла собой производственный брак и была выброшена древним мастером. Неоднократные находки тиглей — глиняных сосудиков для выплавки металла, литейных форм, льячек — глиняных ложек для разлива металла, шлаков также указывают на то, что на Городище существовали ювелирные мастерские. Возможно, остатки одной из них найдены в раскопе 1981 года. Это было овальное в плане сооружение размерами 2 X 6 метров, углубленное в материк, с печью, примыкавшей к одной из стен. Тут же найден тигель.

Особенно важны находки отходов работы ювелиров, изготовлявших изделия из золота. В слоях X века найдены обрывки тончайших золотых перекрученных нитей, кусочки проволоки и фольги. Предметы из золота на поселениях этого времени — большая редкость. Наличие следов производства золотых изделий, рассчитанных на самых знатных заказчиков, не только говорит о высоком профессиональном мастерстве ремесленников, но и характеризует социальный состав жителей Городища.

Широко представлены и следы косторезного производства (заготовки гребней, костяные пластины, роговые спилы). Вероятно, здесь же, на поселении, вытачивались костяные рукоятки ножей и других орудий.

Большого искусства достигли мастера в обработку

дерева. Ковши с резными рукоятками в форме звериных морд, ложки, точеные чаши — вот далеко не полный перечень их изделий. Мы уже не говорим о том, что дерево имело широчайшее применение для изготовления массы бытовых вещей. Найдены части саней, лопаты, весла, круглые блоки для подъемных механизмов, мутовки, вальки-колотушки, угольные совки и т. д.

Несомненно, что жители Городища занимались и сельским хозяйством. Скот содержался тут же на поселении, о чем свидетельствуют пласты невывезенного навоза и любопытная находка — прекрасно сохранившееся корыто с полукруглыми вырезами на стенках для одновременного кормления восьми поросят. Обнаружены также обломки жернова для размолва зерна и железные косы.

Известны орудия обработки льна — деревянные чесала и трепала. О прядении и ткачестве говорят многочисленные пряслица для веретен, большие глиняные, часто орнаментированные грузики от вертикальных ткацких станов. Найдены остатки шерстяных тканей.

Невозможно представить жителей Приильменя без рыболовства. Озеро, и сейчас богатое рыбой, в древности отличалось еще большим ее изобилием и разнообразием пород. Самыми лучшими считались осетры, стерляди, лососи и судаки. В XVI веке волховских осетров поставляли к столу русских царей. Целые пласты рыбьей чешуи перерезает лопата археолога, а глиняные грузики от сетей — самая обычная находка. Конечно, и охота в заросших протоках и дубовых рощах Приильменя была существенным подспорьем в жизни наших далеких предков.

Ремесло, торговля, обслуживание нужд торгового пути, сельское хозяйство, рыболовство, охота и другие промыслы — вот основные занятия жителей Городища в IX—X веках. Но что же выделяет этот памятник среди одновременных ему поселений округа, определяет его специфику?

Само местоположение Городища в ключевом пункте Приильменя и состав находок показывают, что поселок имел торгово-ремесленный характер, а возможность контролировать важнейшую водную артерию обусловили и его военно-административные функции. Поселение имело хорошую естественную защиту, и, видимо, существовали дополнительные искусственные укрепления. (Склоны холма были эскарпированы, и можно предполагать по периметру территории поселения наличие деревянного тына.) В этой крепостице сосредоточивались местная власть, торгово-ремесленная и военно-дружинная прослойка общества. Отнюдь не для рядового сельского жителя изготавливались украшения из золота и за тысячи километров, через волоки и пороги, везлись

грецкие орехи. Немногие памятники Древней Руси отличаются таким изобилием оружия, прежде всего разнообразных наконечников стрел.

Наиболее массовая находка на Городище — лепная керамика. Она полностью тождественна лепной посуде других поселений Приильменя. Это — явное свидетельство того, что основную часть жителей Городища составляло то же население, что обитало в центре Новгородской земли и оставило в конце I тысячелетия нашей эры такие погребальные памятники, как сопки. Это были ильменские словене.

Трудно сказать, жили ли постоянно на Городище выходцы из Скандинавии, но они, бесспорно, бывали тут. Находки вещей северного происхождения, которые не могли быть предметами торговли, определенно указывают на это. Речь идет, в первую очередь, о железных крученых гривнах с привесками-амулетами в виде так называемых «молоточков Тора» — верховного бога у древних скандинавов, а также о равноплечной бронзовой фибуле — специфической принадлежности скандинавского костюма.

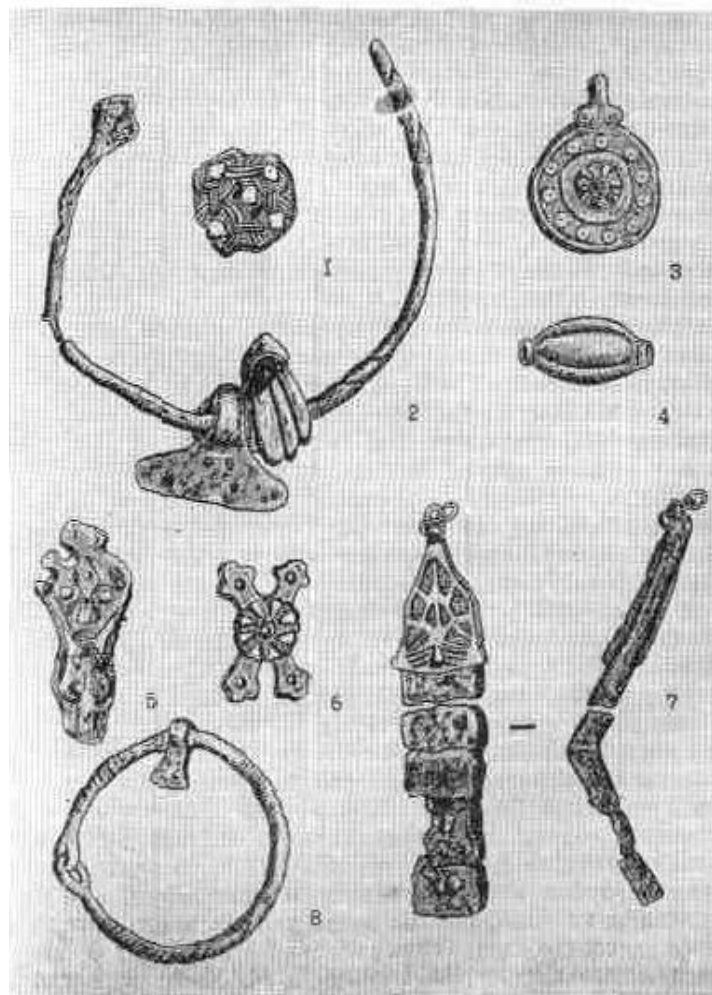
Мы уже упоминали, что на Городище была найдена неудачная отливка антропоморфной фибулы. Г. Ф. Корзухина обратила внимание на нордический облик фибулы. По мнению исследовательницы, такое изделие могло выйти из мастерской скандинавского литейщика, поселившегося в Приильмень, хотя она не исключала, что мастер был местным жителем, усвоившим стиль заморских украшений.

Скандинавы принесли на Русь игру в шашки. Такая глиняная шашка полусферической формы, черного цвета, с тщательно залощенной поверхностью была встречена и на Городище. Все древние шашки на Руси относятся к X веку и найдены в пунктах, расположенных либо на трассе водного пути «из варяг в греки», либо в некрополях крупных городов, где сосредоточивались

русские и наемные княжеские дружины. С исчезновением в XI веке варяжских наемников на несколько веков забывается и эта игра.

Итак, в конце I тысячелетия нашей эры Городище являлось центром плотно освоенной славянами области, охватывающей верхнее Поволжье и Поозерье. Особое экономическое значение этого небольшого региона подчеркивается концентрацией кладов арабских монет. Здесь обнаружено двенадцать кладов, из которых четыре относятся к IX веку и восемь — к X веку. Для сравнения заметим, что в низовьях Волхова найдено четыре клада, а во всем ильменском бассейне — восемь. Рассматривая состав кладов Новгородской округи, С. А. Янина заключила, что их хронологические показатели «дают возможность утверждать, что район истока Волхова с самого начала обращения на Руси восточного дирхема был значительным средоточием товарного обращения».

Для решения проблемы происхождения Новгорода большое значение имеют сведения скандинавов о Древней Руси, прежде всего их название Новгорода — Хольм-гард. Они хорошо были знакомы с этим районом уже в IX веке, а в скандинавском наименовании города не могли не отразиться какие-то определенные реалии того времени. Большинство исследователей традиционно переводили его как «островной город», «город на острове» (Хольм — «остров», гард — «огороженное место», «двор» употребленное в данном случае в значении города). Однако топографическое расположение самого Новгорода этому названию никак не соответствует. Е. А. Рыдзевская в 1922 году, обращая внимание на то, что i

Украшения и импортные предметы с Рюрикова городища: 1 — накладка; 2 — гривна с «молоточками Тора»; 3 — привеска; 4 — металлическая бусина; 5 — фрагмент фибулы; 6 — накладка; 7 — фрагмент оковки ларца; 8 — браслет с «молоточком Тора».

летописях юго-восточная часть Славенского конца неоднократно обозначалась как «холм», предположила, что именно этот топоним и послужил основой для возникновения названия Хольмгард, которое не является чисто скандинавским. Она считала, что в названии как бы соединились скандинавское «хольм» и русское «холм», скандинавское «гард» и русское «град». Археологических подтверждений существования на Славие укрепленного городка IX века нет. Вместе с тем с лингвистической точки зрения такое объяснение вызвало возражения специалистов.

В современной научной литературе вопрос решается иначе. Топоним «Хольмгард», встречающийся и в форме множественного числа, переводится как «поселения в островной местности». По мнению исследователей, им обозначалась местность, где кончался прямой (без волоков) водный путь (Финский залив — Нева — Ладожское озеро — Волхов), игравший особо важную роль в эпоху начальных скандинаво-русских контактов. Скандинавы, попадавшие в район истока Волхова и Поозерья весной, когда и начинались дальние походы, видели перед собой залитую водой местность, на которой как островки выделялись вершины холмов, где и располагались поселения. В связи со становлением города на территории, называемой скандинавами «Хольмгард», топоним был перенесен на город.

Еще дореволюционные историки заметили, что в летописях Новгородом первоначально назывался его детинец — кремль. Следовательно, поиски предшественника «нового» города заключаются не в отыскании какого-либо значительного торгово-ремесленного центра, собственно города в его современном понимании, а в определении местоположения лишь укрепленного поселка, более древнего, чем Новгородский детинец. Об этом справедливо писали В. Л. Янин и М. Х. Алешковский. Вместе с тем само название укреплений новыми тре-

бует их реального противопоставления более ранним, а поэтому речь в данном случае идет о перемещении укрепленного центра внутри плотного гнезда поселений в истоке Волхова. Нет оснований видеть «старый» город в Старой Ладоге, Старой Руссе или других крупных поселениях, отстоящих на большом расстоянии от Новгорода.

Ключевое положение здесь в IX веке занимал торгово-ремесленный укрепленный поселок на Городище, который и явился предшественником Новгорода как крепости. Значение Городища в ранний период его истории убедительно подчеркивается тем, что княжеская резиденция на рубеже XI—XII веков была устроена именно на его месте. Если видеть в известиях о призвании варягов не только легенду, то поселением, куда в IX веке пришел из Ладоги князь Рюрик, могло быть только Городище.

Когда историки спорили о соотношении Городища и Новгорода, они обычно указывали, что площадь городищенского холма мала для размещения целого города. Если же ставить вопрос о преемственности этих пунктов лишь как разновременных укреплений (детинцев), то все эти сомнения отпадают. Кстати подчеркнем, что если на Городище при дальнейших раскопках не окажется слоев древнее середины IX века, а на территории Новгорода удастся обнаружить слои, синхронные городищенским (пока слоев ранее начала X века в городе нет), то само по себе это не будет исключать характеристики Новой крепости и Городища, как «новых» и «старых» укреплений.

Крепость, возведенную на холме, занятом сейчас — кремлем, назвали Новой, и наименование новой цитадели дало название и всему поселению. Такое двойное закрепление названия могло произойти лишь в том случае, если возведение детинца и быстрый рост посада на возвышенностях обоих берегов Волхова были хроноло-

гической почти одновременны. Эти события приходятся на первую половину X века. Первоначально жилой застройкой были охвачены наиболее высокие участки местности. Таких крупных поселенческих ядер было три — на Славне, в Неревском и Людином концах. В свою очередь, эти ядра распались на более мелкие части и отдельные усадьбы. Так, на территории Неревского раскопа первоначально была застроена его северо-восточная часть, более удаленная от детинца, как центра города, и лишь позднее южная, причем между ними некоторое время существовал пустырь. В середине X века Новгород упомянут в известном сообщении византийского императора Константина Багрянородного, а по археологическим данным он представлял собой тогда уже огромный город, раскинувшийся на обоих берегах Волхова. В то же время поселение на Городищенском холме продолжало существовать, и видимое противостояние старых и новых укреплений сохранялось, что и закрепило за поселком в истоке Волхова название Городище.

Поздние летописи содержат легендарную часть «О истории еже о начале Русские земли и создании Новграда...», где сообщается о городе Словенске, который предшествовал Новгороду и находился от него вверх по течению Волхова на расстоянии «яко поприще и боле», то есть на месте Городища. Нельзя исключать, что в предании о Словенске народная память в легендарной форме сохранила отзвуки реальных событий (этому не противоречат сообщения восточных географов о городе Славе — предполагаемом центре ильменских словен — и археологические материалы), хотя, возможно, перед нами лишь попытка книжника XVII века объяснить существование противостоящих топонимов — «Новгород» и «Городище».

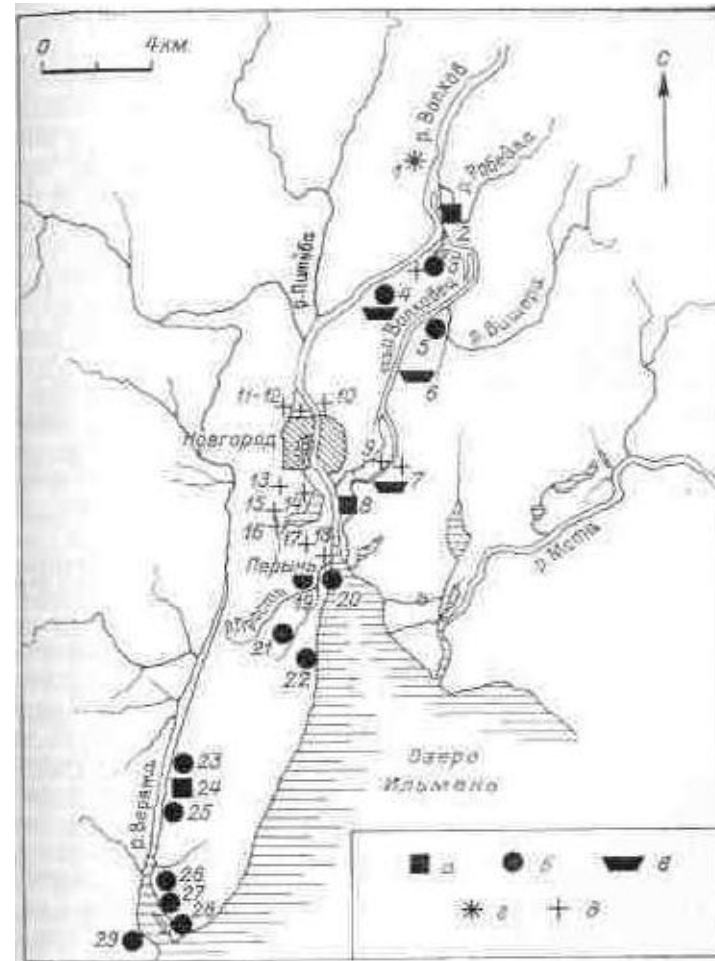
Так представляется возникновение Новгорода в свете новейших данных археологического изучения города

и его округи. Мы видим, что не заморские варяги и не киевские князья (к примеру, как иногда думают, княгиня Ольга) были основателями укрепленных пунктов и городского поселения в истоке Волхова, а становление Новгорода — столицы Северной Руси — являлось результатом сложных экономических и социально-политических процессов, проходивших в конце I тысячелетия нашей эры в среде славянского населения Приильменья.

Округа средневекового города

В XI—XII веках Новгород вырос в громадный город, привольно раскинувшийся на обоих берегах полноводного Волхова. Прямо от стен окольных укреплений начинались луга, поля, села, которыми город был окружен со всех сторон. Низкий горизонт замыкался церквями и пригородными монастырями, издалека видными на слегка холмистой равнине. Как писал академик Д. С. Лихачев, вся эта картина создавала «незабываемый образ освоенной, обжитой страны — простора и уюта одновременно».

Связь города с ближайшей округой была самой разнообразной. Город стягивал население и подчинял занятия окрестных жителей своим нуждам. Конечно, основным родом деятельности сельских жителей было земледелие, скотоводство и рыболовство. В пригородных селах и слободах развивалось также и ремесло, в первую очередь те его виды, которые не подходили для го-

Памятник XI—XII веков:

1 — Собачья Горбы; 2 — Холопий городок; 3 — Хутынь; 4 — Деревяницы; 5 — Родново; 6 — Болотове; 7 — Нередица; 8 — Городище; 9 — Кириллов монастырь; 10 — Антониев монастырь; // — Зверин монастырь; 12 — Духов монастырь; 13 — Петропавловский монастырь; 14 — Воскресенский монастырь; 15 — Аркажский монастырь; 16 — Благовещенский монастырь; 17 — Пантелеймонов монастырь; 18 — Юрьев монастырь; 19 — Прость; 20 — Перынь; 21 — Ракомо; 22 — Береговые Морины; 23, 24 — Георгий; 25 — Васильевское;

26 — Любоежа; 27 — Горошково; 28 — Еруново; 29 — Сергово; о — городища; б — селища; в — могильники; z — клады; д — монастыри.

родских условий (например, из-за отдаленности источников сырья, большой потребности в топливе, опасности пожаров и т. д.).

Б Первой Новгородской летописи под 989 годом в связи с известным легендарным эпизодом о разрушении языческого капища в Перыни сообщается о гончаре-питьбянине, то есть жителе поселка на реке Питьбе, который ехал в Новгород продавать свои горшки. На первый взгляд такое упоминание производит впечатление ничего не означающего. Но это оказалось не так.

При небольших раскопках, проведенных в 1954 году в устье реки Питьбы, там, где ныне расположен поселок Волховский, были обнаружены остатки мощного керамического производства, возникшего в X веке. Химические анализы черепков от древних сосудов и глин из этого района показали, что древние мастера пользовались именно местным сырьем. Запасы высоких по качеству глин в окрестностях устья Питьбы были велики, до Великой Отечественной войны там работали два завода по производству кирпича и черепицы.

Конечно, интенсивно добывались питебские глины и в древности. Скорее всего, их использовали в XI—XIII веках и гончары другого пригородного поселка, расположенного на противоположном берегу Волхова, между Деревяницами и Хутынским монастырем. На окраине поселения был обнаружен двадцатисантиметровый слой, состоящий из одних глиняных черепков. Интересно, что эта разбитая посуда не была в употреблении: отсутствовали следы нагара, а отдельные деформированные венчики — верхние части горшков — явно указывали, что все найденное археологическое «богатство» является производственным браком — остатками посуды, лопнувшей при обжиге. Как тут не вспомнить шутивную поговорку о том, что не боги горшки обжигают. Горшки обжигали не боги, а ремесленники — гончары, но провести сложную операцию обжига керамики без ущерба

для собственной продукции мог отнюдь не всякий мастер.

По соседству с Антониевым монастырем, который в XI—XII веках находился далеко за городской чертой, многолетними раскопками С. Н. Орлова открыт огромный железодельный комплекс. Найденны остатки печей, шлаки, выплавленное железо в виде криц, напоминающих большие круглые буханки хлеба. Сырьем служила легкоплавкая болотная руда, широко распространенная в Новгородской земле.

Легкие плодородные почвы Поозерья и южного Поволховья превратили этот край в настоящую житницу Новгорода. Именно эта территория, как считают историки, составляла политическое ядро Северной Руси, поскольку другого, более обширного массива земель, способного удержать такую же, как здесь, концентрацию населения, Новгородская земля практически не знала.

В¹ древнерусскую эпоху многочисленные рядовые поселения Новгородской округи продолжали существовать чаще всего на тех же местах, что и прежде. Обломки керамики XI—XII веков, украшенные характерным линейным и волнистым орнаментом, в Поозерье найдены на селищах у деревень Любоежа, Горошково, Васильевское, Георгий, Прость, Береговые Морины, Среди этих пунктов выделяется поселение у деревни Георгий. Оно было укреплено возведенным именно в этот период валом, сохранившимся, к сожалению, в незначительной степени. Обычно небольшие укрепленные поселения древнерусского времени считаются усадьбами феодалов. Однако подобные усадьбы для Новгородской земли не характерны.

Особо следует отметить Ракомо, одно из древнейших известных по письменным источникам сел Новгородской земли. Оно упоминается в летописи под 1015 годом как загородная резиденция князя Ярослава Мудрого. В небольшом шурфе, заложенном в 1939 году неподалеку от

церкви, зафиксирован мощный культурный слой. При этом были найдены фрагменты керамики, грузила для сетей, поделки из железа и остатки большого очага.

В XII веке возникло поселение и на месте разрушенного языческого святилища в Перыни. Раскопками 1951 и 1953 годов здесь были обнаружены остатки полуземлянок. Б богатой лесами Новгородской земле, с ее сырыми почвами, использование полуземлянок в качестве жилищ было неудобным, и, главное, в этом не было необходимости. Поэтому, скорее всего, открытые сооружения были не жилищами, а производственными постройками, связанными с рыболовством. Здесь, как предполагается, занимались копчением сетей, чтобы предохранить их от преждевременного гниения.

По берегам Волховца древнерусские селища открыты на Нередицком холме близ Болотова, в деревне Родионово, у Хутынского монастыря. Пожалуй, наиболее крупное и интересное среди известных ныне древних пригородных сел, о котором мы уже упоминали в связи с керамическим производством, находилось между Деревяницами и Хутынью. И сейчас, если встать на северной окраине Деревяниц, невольно бросается в глаза виднеющийся вдали высокий мыс на крутой излучине Волхова, особенно широкого в этом месте. Весной или осенью на вспаханном поле хорошо видны остатки огромного селища, занимающего площадь не менее трех гектаров. Культурный слой, образовавшийся за несколько веков существования поселения, достигает 70 сантиметров, что очень много для сельских памятников, на которых не сохраняются органические вещества.

Чаще всего археологи имеют дело с безымянными остатками поселений. В данном случае оказалось возможным установить название. Во Второй Новгородской летописи под 1572 годом сообщается, что в связи с эпидемией в Новгороде умерших было приказано возить «на деревню на Зодопьяново за шесть верст по Волхову

вниз, Спасского монастыря Хутынского не доезжаючи за версту». На наш взгляд, имеются основания для отождествления данного пункта с рассматриваемым селищем.

Прежде всего, на эту мысль натолкнуло имеющееся в летописи упоминание деревни Водопьяново относительно Новгорода и Хутины, что примерно соответствовало расположению наших археологических памятников. Кроме того, на плане конца XVIII века озеро, примыкающее к селищу с севера, названо Водопьяновским. Располагаться около этого озера, но ближе к Хутыни, деревня не могла, поскольку весь этот участок представляет собой низкий пологий берег, затопляемый в половодье и к тому же отрезанный летом от Волхова непроходимой болотистой поймой. И пожалуй, решающим аргументом является наличие рядом с селищем древнего могильника, заброшенного еще где-то на рубеже XII—XIII веков. Лучшего места для устройства морового кладбища было не придумать. Была ли деревня Водопьяново в тот период обитаема, сказать трудно. Скорее всего, нет. Во всяком случае, под термином «деревня» в XVI веке могли понимать не только населенный пункт, но и нежилое место, где возделывали пашню.

Откуда же появилось это название — Водопьяново? С уверенностью ответить трудно, но, возможно, его следует связывать с местными условиями. Дурманящая, «пьяная» вода загнивающего летом пойменного озера могла и послужить причиной появления этого топонима.

Археологическая карта поселений XI—XII веков в Новгородской округе может быть дополнена еще несколькими пунктами. В различных древних документах содержатся сведения о некоторых селах этого времени близ Новгорода, остатки которых археологам пока не удалось найти. Так, в грамоте, данной в 1134 году князем Изяславом Мстиславичем Пантелеймонову монастырю, упоминается село Витославицы, чье назва-

ние носит ныне Музей деревянного зодчества. В духовной Антония Римлянина, датируемой до 1134 года, называется село Волховское, которое находилось на месте Антониева монастыря.

Еще два села упоминаются в грамоте Варлаама Хутынского, составленной в конце XII века. Основатель монастыря передал в дар своему детищу в числе прочих угодий «рель (заливной луг. — *Авт.*) противу села за Волховом». Здесь остается не совсем ясным, что находится «за Волховом» — «рель» или «село». По смыслу скорее «рель». В таком случае «селом», вполне вероятно, может быть поселение, известное близ монастыря.

Кроме того, монастырю было передано «другое село на Слудицы», где имелась церковь святого Георгия. В окрестностях Новгорода топоним «Слудка», обозначающий «возвышенность на берегу», известен дважды. Во-первых, это местность близ Болотова и, во-вторых, деревня, расположенная примерно в двух километрах от Хутины вниз по Волхову. Скорее всего, здесь имеется в виду второй пункт, поскольку он ближе к монастырю, тем более что поселение близ первой Слудки издавна известно как Болотове.

За время многочисленных раскопок в Новгороде была получена огромная информация о характере земледелия на Новгородской земле в XI—XII веках. А. В¹. Кирьянов, чьи работы являются важнейшими исследованиями поданной теме, просмотрел в лаборатории Института археологии свыше миллиона зерен, что позволило определить состав основных полевых культур. Семена сорняков, встреченные вместе с зерном, свидетельствовали об условиях возделывания того или другого вида зерновых культур. Все это дало возможность сделать вывод о высоком уровне развития земледелия в XI—XII веках, что подтверждается и многочисленными летописными сообщениями. ^f Из возделываемых культур первое место принадле-

жало ржи, на втором находилась пшеница. Гораздо меньше высевалось овса и ячменя. Рожь была озимой культурой, а пшеница — яровой. Это позволяет говорить о существовании в XI—XII веках трехпольного севооборота, который заключался в чередовании озимых яровых и паровых полей, когда после вспашки участок оставляли незасеянным с целью восстановления плодородия почвы.

С земледелием было тесно связано скотоводство, поскольку вспашка производилась с использованием тягловой силы животных и, кроме того, применение навоза в качестве удобрения было неременным условием существования трехпольной системы. Из городских усадеб, где также держали скот, навоз не вывозился. Это объясняется тем, что земельные участки, а особенно вблизи города, имелись далеко не у каждого горожанина. Но могла здесь быть и другая, пожалуй, более важная причина. Как отмечал известный исследователь новгородских усадеб П. И. Засурцев, новгородцы, выбрасывая навоз прямо на территории своих городов, стремились как можно выше поднять уровень этих участков над окружающей местностью из-за переувлажненности грунта, характерной для древнего Новгорода. Судя по находкам костей, новгородцы, а следовательно и жители пригорода, разводили коров, овец, лошадей и свиней. Благоприятные условия для животноводства в городе, и особенно его округе, определялись прекрасными заливными лугами, окружавшими Новгород со всех сторон.

Судя по археологическим находкам и упоминаниям в летописи, жители Приильменя выращивали репу, огурцы, капусту. Из плодовых деревьев и кустарников были известны вишня, яблоня, смородина и малина.

Экономическое значение Новгородской округи подчеркивается находками здесь богатых кладов дресвне-

русского времени. Так, один из них был найден при неизвестных обстоятельствах в 1906 году в местности Собачьи Горбы, неподалеку от современного поселка Кречевицы. К счастью, клад был приобретен Археологической комиссией — высшим органом, координировавшим и организовывавшим археологические исследования в дореволюционной России. В руки ученых попало более 700 арабских, византийских, западноевропейских монет, а также различные ювелирные изделия из серебра. В их числе была круглая позолоченная застёжка-фибула, украшенная орнаментом из зерни — многочисленных мельчайших (до 0,2 миллиметра в диаметре) шариков, которые напаялись на поверхность изделия. В состав клада входили гривны — шейные украшения, представляющие собой массивные обручи, свитые из толстой проволоки, с застёжками на концах. В такой же технике были выполнены и браслеты с припаянными овальными наконечниками, покрытыми чернью. И наконец, весь этот богатый набор дополняли полые полю-лочные бусы, также украшенные шариками зерни. По времени чеканки наиболее поздних монет и типам украшений этот клад датируется XE — началом XII века. Еще один монетный клад того же времени был найден близ Новой Мельницы.

Богатство владельцев таких кладов можно представить лишь путем сопоставления стоимости содержавшегося в них серебра с ценами того времени. Из Русской Правды — древнейшего свода законов — известно, что на Руси свинья или овца, например, стоили около 10 граммов серебра, корова — около 80, а конь — 150—300 граммов. Примерно за такую же цену можно было купить невольника-раба. Из этого следует, что человек, спрятавший клад в Собачьих Горбах, мог обладать не одним десятком коров или коней. Кроме того, мы не учитываем стоимости производства высокохудожественных ювелирных изделий, которая вполне могла быть со-

Ноставима со стоимостью серебра, пошедшего на их изготовление.

Говоря о кладах как показателе экономического развития, нельзя упускать из виду следующее обстоятельство. Если большое количество спрятанных сокровищ в каком-нибудь районе свидетельствует о его высоком экономическом развитии в данную эпоху, то отсутствие кладов не доказывает обратного. Этот на первый взгляд парадокс объясняется просто. Клады прятались, как правило, в минуты опасности, какой являлись прежде всего военные действия, а при отсутствии угрозы закапывать в землю сокровища в эпоху уже довольно развитого товарно-денежного обращения явно не было смысла. Если с этих позиций посмотреть на древнерусские клады Новгородской земли, то станет понятным их небольшое количество по сравнению с Киевской, например, или Владимиро-Суздальской землями. Единственными заметными военными действиями в окрестностях Новгорода в XI — начале XII века были набеги полоцких князей Брячислава Изяславича в 1021 году и его сына Всеслава Брячиславича в семидесятые годы XI века, что и могло послужить причиной сокрытия упомянутых нами кладов.

Особое место в Новгородской округе в древнерусское время продолжало играть Городище. Поселение, существовавшее в IX веке Новому городу как крепости, в XII веке известно как резиденция князей, вытесненных из города в процессе развития республиканского строя. Городище стало символом и оплотом княжеской власти, одним из важнейших центров политической жизни Новгорода. Однако интенсивная жизнь в нем продолжалась и в XI веке. Об этом особенно ярко свидетельствуют найденные в культурном слое серебряные западноевропейские монеты — денарии. Такие монеты для XI века являлись крупным денежным номиналом, и случаи их потери, вероятно, были очень редки. Достаточно ска-

зять, что на самом большом из новгородских раскопов — Неревском — на площади около 1 гектара найден 21 денарий, а на Городище, на площади в 20 раз меньшей,—6. По своему происхождению (а они в основном были отчеканены во Фризии — германской области на побережье Северного моря) денарии из Городища очень близки находкам из Новгорода и соответствовали составу кладов первой половины XI века. Следовательно, в Городище в XI веке жизнь кипела ничуть не слабее, чем в богатейших кварталах Новгорода.

Из других находок XI века заслуживает упоминания костяное навершие плети с изображением на нем личного знака князя Глеба Святославича, правившего в Новгороде в 1067—1078 годах. Территориально в XII веке в пределы княжеской резиденции входили не только холм при истоке Болховда из Волхова, но и Нередиц-кая гора. Не случайно известная в летописях Нередиц-кая церковь, построенная в 1198 году князем Ярославом Владимировичем, называется церковью Спаса на Городище.

Значение Городища в политической жизни Новгорода было крайне велико. Именно здесь в 1103 году сын известного князя Владимира Мономаха, новгородский князь Мстислав Владимирович закладывает церковь Благовещения, второй по времени, после Софии, каменный храм Новгорода. Для этой церкви было написано знаменитое Мстиславово евангелие — один из древнейших памятников русской письменности. Исследователи датируют его временем между 1103 и 1117 годами.

В 1966—1970 годах раскопки осуществил М. К. Каргер. Оказалось, что это большой шестистолпный храм с лестничной башней у северо-западного угла. Храм был сложен из волховской плиты с нерегулярными прослойками плинфы (древнего кирпича). Обнаружены многочисленные фрагменты фресковой росписи, значительное количество майоликовых плиток древнего пола, что лиш-

ний раз подчеркивает парадный характер постройки. Церковь Благовещения по своему плану, строительнотехническим и художественным особенностям, как считал М. К. Каргер, представляла собой как бы протооригинал собора Георгия 1119 года в Юрьевом монастыре, однако по пропорциям плана и абсолютным размерам она была ближе к собору Николы на Ярославовом дворище.

В 1342—1343 годах на месте разрушенного храма XII века был выстроен новый храм, варварски разбитый в 1941 году немецкой артиллерией. Сейчас в наиболее высокой части Городища высятся остатки именно этой церкви, законсервированные реставраторами.

Где-то рядом с Благовещенским храмом в XII веке располагались княжеские палаты и весь комплекс построек княжеского двора, но при археологических раскопках пока их обнаружить не удалось. О размещении на Городище княжеской дружины свидетельствуют находки наконечников стрел, боевых топоров, шпор, булавы. Очень часто встречаются ледоходные шипы, прикреплявшиеся к копытам лошадей при переходах по замерзшим рекам и озерам — важным путям сообщения в средневековье.

Городище получило известность и как место массовых находок древнерусских вислых печатей. Маленькие свинцовые кружки, на обеих сторонах которых были оттиснуты изображения святых, различные знаки и надписи, являлись важнейшим атрибутом государственной юрисдикции — ими скреплялись официальные документы. Мы знаем печати князей и киевских митрополитов, великокняжеских тиунов и тысяцких, новгородских посадников и «совета господ». Всего найдено около двух тысяч печатей, из них на Городище — больше половины! Почему?

Ответ несложен. В состав построек княжеского двора входил и архив, и если сами документы, попав в зем-

лю, истлели, то скреплявшие их печати сохранились. Любопытно, что регулярные сборы их на Городище (ежегодно на берегах Сиверсова канала находят до двух десятков тусклых свинцовых кружков) показали, что на определенных участках обнаруживаются одинаковые или близкие по времени печати. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что до прорытия канала остатки архива в земле в целом сохраняли еще порядок архивного расположения документов.

Городище в древнерусское время являлось крупным ремесленным центром. Естественно, здесь были сосредоточены те виды ремесел, которые обслуживали прежде всего княжеский двор, социальные верхи новгородского общества. К ним в первую очередь относилось ювелирное производство.

О нем неоспоримо свидетельствуют находки литейных форм, обломков тиглей, льячек, медных шлаков, матриц для изготовления украшений, ювелирных пинцетов, кусков и обрезков цветных металлов. Использовались медь, бронза, олово, свинец, стекло. Примечательна собранная коллекция золотых вещей, насчитывающая около 200 единиц. Это не только целые вещи и их обломки, но и множество золотых проволочек, обрезков, пластинок, то есть утерянный производственный брак.

Городищенские ювелиры были искусными мастерами, владевшими всеми разнообразными и сложными приемами ремесленного производства, и их продукция могла удовлетворить вкус не только рядовых новгородцев, но и самых знатных заказчиков. Предметы роскоши имели часто и заморское происхождение. Среди них выделяется высоко ценимая в эпоху средневековья изящная расписная стеклянная посуда, привозимая из Византии и стран Востока, обломки которой встречались неоднократно. Представление о характере росписи дает один из таких фрагментов, на котором золотом по белому фону реалистично изображен хищник, преследующий зайца.

В 1933 году на Городище была найдена золотая пластинка, на которой в технике перегородчатой эмали изображен юноша во весь рост. По левую сторону фигуры хорошо читается надпись «ГЕОРГИ», обозначающая, что это изображение Георгия Победоносца. Эта находка представляет собой редкий образец византийского искусства и относится к концу X или началу XI века. Изображение замечательно тем, что все линии тела и складки одежды юноши выполнены с поразительной четкостью и, несмотря на его древность, отчетливо сохранили свежесть и яркость тонов.

Техника выполнения была довольно оригинальна. Она со всей очевидностью показывает высокий уровень мастерства человека, выполнившего это изображение.

Делалось это так: все линии рисунка окаймлялись тончайшими, как паутинка, золотыми проволочками, а пространство между ними заливалось разноцветной эмалью. Таким способом мастер достигал четкости светотеней и закрепления эмали в перегородках. Сейчас эта уникальная находка заняла свое место в экспозиции Новгородской Грановитой палаты.

Неотъемлемым элементом средневековой городской округи были монастыри, которые начали интенсивно возникать в XII веке, к концу столетия, как полагают некоторые историки, их насчитывалось уже около двадцати.

На первый взгляд изучение монастырей — дело только историков, архитекторов и искусствоведов. Это в целом правильно, но все-таки часто они не могут обойтись без помощи археологов. Дело в том, что летописные сведения о монастырях скудны и отрывочны, сохранившиеся архитектурные ансамбли неоднократно перестраивались, а на местах многих монастырей сейчас можно увидеть лишь поросшие кустарником холмы, скрывающие руины каменных построек. Здесь необходимы раскопки.

Обратим внимание еще и на тот факт, что монастыри возводили, как правило, на удобных для жизни местах, история которых начиналась задолго до появления здесь монахов. Еще много тайн хранят в себе монастырские урочища. Прекрасный тому пример — случайное и неожиданное открытие при архитектурных раскопках в Хутынском монастыре загадочного сооружения, о котором мы уже упоминали и которое является, скорее всего, остатками языческого святилища.

Монастыри основывались представителями различных групп господствующего класса: князьями, епископами, боярами и богатыми купцами. Выходцы из аристократических кругов Новгорода составляли значительный процент среди монахов. В летописи часто можно найти сведения о пострижении в монахи посадников, бояр,

купцов, по различным причинам решившим оставить мирскую жизнь. Уходом в монастырь не раз оканчивалась политическая карьера видных государственных деятелей Новгородской республики, потерпевших поражение в борьбе за власть. Но вместе с тем факт пострижения сам по себе не означал еще политической смерти. Ведь из представителей верхушки черного духовенства избирался глава новгородской церкви — епископ (с середины XII века — архиепископ), или, как называли в Новгороде, владыка, который играл важнейшую роль в жизни феодальной республики.

Древние новгородские монастыри отнюдь не были «тихими обителями», далекими от земных интересов и забот. Напротив, сосредоточив в своих руках огромные богатства, и прежде всего земельные владения, они превращались со временем в крупнейших феодалов. Нельзя не отметить прослеживающуюся порой на протяжении столетий связь отдельных монастырей с определенными боярскими родами. Как отмечал М. К. Каргер, многие монастыри были тесно связаны с боярской торговлей, о чем говорит их тяготение к судоходному Волхову и важнейшим сухопутным путям.

Пригородные монастыри играли особую роль и в обороне Новгорода. Чтобы не дать неприятелю закрепиться и осадить город, новгородцы монастыри сжигали. Именно так случилось в 1386 году, во время похода Дмитрия Донского на Новгород, когда были сожжены 24 монастыря.

Крупнейшим и одним из древнейших монастырей Новгорода являлся Юрьев монастырь, расположенный на левом берегу Волхова, почти напротив Городища. Согласно некоторым источникам, он был основан в 1030 году князем Ярославом Мудрым, а почти 90 лет спустя, в 1119 году, при князе Всеволоде, здесь был воздвигнут Георгиевский собор, занимающий по своему строительному мастерству и размерам второе место после

центральной новгородской святыни — Софийского собора. К этому храму, пожалуй, больше всего подходит характеристика, данная академиком И. Э. Грабарем всей новгородской архитектуре: «Идеал новгородца — сила, и красота его — красота силы». Зодчий, чье имя — Петр — известно из поздней новгородской летописи, достиг в возведенном им Георгиевском соборе исключительной выразительности при крайнем лаконизме форм. Этот облик, достаточно близкий первоначальному, собор приобрел лишь после раскопок и реставрации, проведенных в 1933—1936 годах под руководством М. К. Каргера. Во время работ были убраны поздние пристройки.

С XII века Георгиевский собор становится княжеской усыпальницей. Во время раскопок, проведенных М. К. Каргером, были вскрыты погребения видных деятелей новгородской истории. Останки находились в каменных саркофагах, в склепах и в деревянных колодах. Путем тонких сопоставлений различных источников М. К. Каргер установил, кому именно принадлежали захоронения. Это были известные посадники Семен Борисович, Мирошка Незденич и его сын Дмитр Мирош-кинич, а также брат Александра Невского — князь Федор, его мать княгиня Ефросинья. В склепах Дмитра Мирошкинича и Семена Борисовича были найдены ножны от мечей (М. К. Каргер считал, что сами мечи были похищены еще в древности). В¹ погребениях встречались также остатки пищи — яйца и рыба — традиция, восходящая еще ко временам язычества.

Неподалеку от Юрьева монастыря, на территории нынешнего музея деревянного зодчества «Витослави-цы», располагался Пантелеймонов монастырь, основанный в 1134 году. На поверхности от него не оставалось никаких следов. И только раскопки П. А. Раппопорта позволили найти остатки каменной церкви Пантелеймона (1207 г.), представлявшей собой небольшой че-тырехстолпный трехапсидный храм с притвором с за-

падной стороны. Церковь в древности была расписана фресками, о чем говорят куски штукатурки со следами живописи. Казалось бы, что принципиально новое могут дать такие работы, естественно не считая точного установления места расположения монастыря? Но оказалось, что этот храм, как убедительно доказал П. А. Рап-попорт, заполняет целую хронологическую лауну в истории новгородского зодчества и показывает пути его развития в первой половине XIII века.

Точно так же лишь во время раскопок были обнаружены остатки Аркажского монастыря, основанного в середине XII века и находящегося в районе аэропорта. В 1962 году здесь при строительных работах были открыты каменные руины. Раскопки новгородских исследователей С. Н. Орлова и Л. Е. Красноречьева выявили основания сразу трех каменных храмов, один из которых оказался церковью Успения, построенной в 1188—1189 годах. Это была самая ранняя каменная постройка Аркажского монастыря — типичный небольшой новгородский храм второй половины XII века. В¹ культурном слое около церкви найдены разнообразные предметы: энколпион — двустворчатый, полый внутри крест, в который вкладывали частички «святых» мощей, бронзовая застежка от книги, бытовые предметы.

Несомненный интерес представляют фрагменты фресковой живописи, встреченные в завалах строительного мусора. На некоторых из них имеются граффити — древние надписи, процарапанные по штукатурке.

Внутри притвора, примыкающего к церкви с запада, и у стен храма обнаружено больше десятка каменных саркофагов и гробниц — ящиков, сложенных из известняковых плит. Как считают авторы раскопок, притвор был сооружен несколько позднее, чем сам храм, специально для размещения в нем гробниц и мог быть усыпальницей семьи известного посадника Михалка Степанича, принявшего здесь монашество и умершего в 1206 году.

Загадки древних МОГИЛЬНИКОВ

В¹ этой части новгородских окрестностей известно еще три монастыря, существовавших уже в XII веке. Два из них — Воскресенский и Благовещенский — находились на берегу Мячинского озера, а третий — Петропавловский — на холме, называемом Синил ище или Си-ничья гора. Церковь Петропавловского монастыря, датируемая 1185 — 1187 годами, сохранила свои первоначальные формы почти полностью и дает наглядное представление об облике новгородских храмов XII века.

Цепь монастырей тянулась и по Волхову. Ближайший к его истоку находился на Нередицкой горе, которая в древнерусское время территориально входила в пределы княжеских владений близ Городища. Здесь в 1198 году при князе Ярославле Владимировиче была основана ставшая всемирно известной своими фресками церковь Спаса.

На острове Селезнев (по древним новгородским летописям — Нелезень), образованном притоками Волховца, в 1196 году была выстроена церковь Кирилла. Кириллов монастырь был полностью разрушен ввремя войны. При впадении в Волхов Волховца находился Хутынский монастырь, ставший впоследствии одним из богатейших в Новгороде. Многие из древних пригородных монастырей позднее вошли в черту города. В¹ их числе Антониев к северу от Новгорода на правом берегу Волхова и почти напротив него — Зверин и Николо-Бельский.

Итак, средневековая Новгородская округа представляется освоенной, плотно заселенной территорией, имеющей для города важное экономическое значение. Не случайно во время восстаний, когда «простая чадь» поднималась против особенно ненавистных бояр, разграблению подвергались не только городские усадьбы, а, как указывает летописец, «дома их и села их». Широкое археологическое изучение пригородных поселений и монастырей позволит открыть немало тайн прошедших веков.

За последние годы под Новгородом установлено расположение отдельных погребальных памятников XI—XII веков. Открытие их было делом далеко не простым и имело давнюю предысторию. Еще в конце прошлого века Приильменье оказалось в центре внимания археологов-славистов. Этому предшествовали раскопки многих сотен курганов на окраинах Новгородской земли — на побережье Чудского озера, в Приладожье, на Ижорском плато. Естественно, встал вопрос, каким племенам принадлежали добытые древности — славянам или «иным языцем», как называл древнерусский летописец неславянское население? Чтобы ответить на него, нужно было получить «эталон» славянской культуры. И искать его в Новгородской земле следовало там, где славяне появились раньше всего и расселились наиболее плотно. Таким районом были берега Ильменя с долинами впадающих в него рек.

Однако уже первые разведки принесли разочарование. Курганов XI—XII веков, столь обычных на смежных территориях, здесь оказалось так мало, а материалы в них были столь невыразительны, что ни о каком эталоне не могло быть и речи. Было высказано предположение, что курганы отсутствуют из-за раннего перехода населения этих мест к христианству. Но как бы то ни было, археологи оказались в своеобразном тупике.

Неожиданно в 1903 году у деревни Федосово в деревнях Меты местный помещик и археолог-любитель А. А. Ширинский-Шихматов нашел и раскопал большой могильник древнерусского времени. К удивлению всех он оказался не курганным, а грунтовым, то есть над погребениями не было никаких насыпей. Располагался он непосредственно у подножия сопки. Припомнили сведения еще о нескольких подобных памятниках, известных ранее. Казалось, выход был найден, но новых открытий не последовало. Слишком трудно было найти такие памятники, не имеющие внешних признаков, да к тому же интересы Археологической комиссии, которая планировала исследования, переключились на другие темы.

Лишь более десятилетия спустя были получены сведения еще об одном подобном памятнике, находившемся под самым Новгородом. Сейчас далеко не многие туристы, да и коренные новгородцы, любящая возродившимся из руин архитектурным шедевром — церковью Спаса на Нередице, знают, что здесь же, примерно в 120 метрах к востоку от церкви, находился и интереснейший археологический памятник, к сожалению в значительной степени погибший для науки.

Осенью 1916 года во время строительства железной дороги Петроград — Орел на Нередицком холме, откуда брали грунт для сооружения железнодорожной насыпи, были обнаружены многочисленные захоронения, сопровождавшиеся различными древними предметами. Понятно, что во время войны мало кому было дело до археологии, но с тем большим уважением мы должны вспомнить членов Новгородского общества любителей древности, которым удалось собрать часть находок. Общество организовало и наблюдение за ходом работ, что было поручено еще совсем молодому его члену, а впоследствии видному ученому-искусствоведу Н. Г. Порфиридову.

Коллекция находок из Нередицкого могильника, состоящая из височных колец, перстней, браслетов, стеклянных и серебряных бус, различных привесок-амулетов и других вещей, оказалась в Русском музее, и о ней мало что было известно даже специалистам. Видимо, территориальная близость могильника к знаменитому Спасу на Нередице невольно заставляла связывать их воедино. Поэтому разрушенные погребения на Нередицком холме рассматривали как кладбище при церкви. Лишь в последнее время удалось изучить найденный ранее материал и собрать архивные документы, относящиеся к этому памятнику, что впервые позволило составить более определенное представление о нем. Оказалось, что могильник возник на два века раньше, чем церковь, и, естественно, не имел к ней никакого отно-

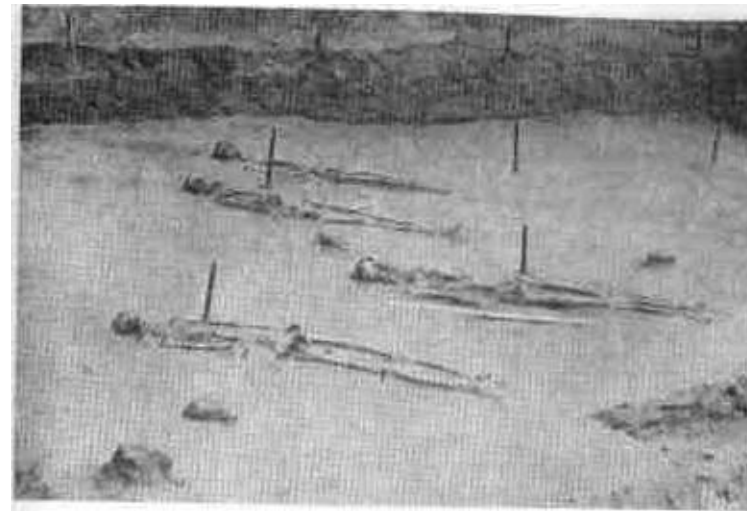
шения. Волею того, основание монастыря, видимо, было причиною того, что Нередицкий холм перестали использовать для захоронений. Да и погребены умершие были вовсе не по христианскому обряду, о чем свидетельствуют богатые украшения и языческие привески-амулеты.

И все-таки Нередицкий могильник не мог ответить на все вопросы, на которые хотели бы получить ответы исследователи. Ведь этот памятник не раскапывался археологами, и многое было безвозвратно утрачено. Но вот в 1974 году был открыт еще один подобный памятник — Деревяницкий могильник. К сожалению, еще до раскопок могильник был более чем наполовину разрушен карьером. Но тем не менее исследованные 120 погребений, 87 из которых сопровождалась вещевыми находками, сделали этот памятник самым крупным из известных ныне древнерусских грунтовых могильников Новгородской земли.

Раскопки этого памятника позволили вполне отчетливо представить погребальные обычаи наших предков. Умерших хоронили в ямах размерами в среднем 2X XI, 5 метра и глубиной до метра. Уже в XI веке используются гробы, о которых можно судить по едва заметной полоске древесного тлена и нескольким большим кованым гвоздям на углах. Гвоздями, скорее всего, приколачивали крышку, а сами гробы выдалбливались из дерева, или, если говорить точнее, это были долбленые колоды. В одном случае вызвали недоумение два ряда железных скреп, находившихся рядом с полосой тлена. Разгадка оказалась простой. Этими скобками скрепили колоду, треснувшую при изготовлении.

В соответствии с языческими представлениями славян умерших хоронили головой на заход солнца. В зависимости от времени года это направление менялось — от юго-запада зимой до северо-запада летом.

Покойников одевали в праздничную одежду, вместе

Общий вид раскопа на месте Деревяницкого могильника.

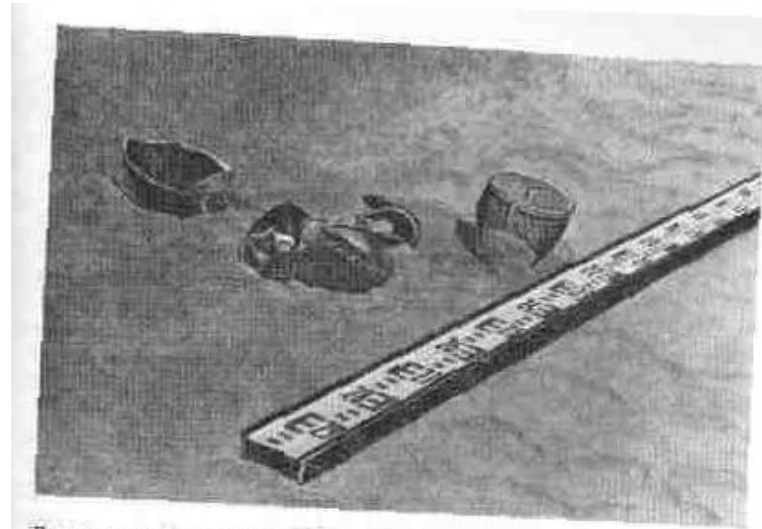
с различными украшениями. С ними помещали и бытовые предметы, которые могли пригодиться «на том свете». В женских погребениях встречаются пряслица, а в одном случае найден даже серп. Непременным спутником мужчины был железный нож, который носили на поясе, иногда вместе с маленьким сланцевым оселком. Здесь же, вероятно, в специальном мешочке, находились железное кресало и кремневое огниво для высекания огня. В ногах как мужских, так и женских погребений ставились горшки с пищей, чтобы усопший мог подкрепиться во время трудного пути. Впрочем, единых и отчетливых представлений о загробном мире не существовало. Люди той эпохи считали, что души умерших улетают на небо, но одновременно с этим верили в продолжение «жизни» покойника в могиле, откуда он мо-

Деревяницкий могильник. Погребение 65 с сохранившимся фрагментом ворота одежды. XII век.

жет временами выходить, чтобы помогать или, наоборот, вредить своим живым сородичам. Поэтому почитание умерших предков было делом весьма серьезным. В разных местах могильника вне погребений неоднократно встречались развалы из нескольких горшков, среди которых попадались и целые сосуды. Все это — следы поминок-тризн.

Трудностью поисков не исчерпывается вся сложность изучения грунтовых могильников. Они обычно имеют еще и плохую сохранность. Из-за отсутствия надежных внешних признаков грунтовые могильники могли функционировать длительное время, не расширяя своей территории сверх каких-то установившихся границ. При этом ранние погребения неизбежно разрушались при уст-

Деревяницкий могильник. Развалы горшков и целые сосуды — следы тризн.

ройстве более поздних. И если такой могильник существовал в течение многих веков, что характерно для

Новгородской округи, отличавшейся высокой плотностью населения, то при раскопках трудно найти что-либо, относящееся

к раннему периоду. Только в редких случаях, когда могильник был заброшен в 12-13 вв., как это произошло с Нередицким или Деревяницким, можно рассчитывать на богатые и интересные находки 11-12 вв. Если этого не случилось, то лишь разрозненные древние вещи и керамика укажут, что могильник возник еще в древности.

Сейчас под Новгородом кроме Нередицкого и Деревяницкого могильников можно назвать еще несколько мест, где в XI—XII веках располагались такие же памятники. Ближайший из них находился около Болотова. И по сей день в низкой пойме Волховца можно видеть возвышенность, которая весной превращается в остров. Местность эта называется Слудкой, а в древности она была еще известна и как Богатырское поле, вероятно потому, что здесь постоянно находили человеческие кости, которые принимали за останки павших в битве богатырей. В 80-х годах прошлого века Н. Г. Богословский раскопал на этом месте около сотни костяков. К сожалению, никаких материалов о раскопках не сохранилось, кроме короткой информации в одном из антропологических изданий. Уже после Великой Отечественной войны остатки могильника были окончательно разрушены при земляных работах.

Чавницкий могильник, как и Нередицкий, был разрушен в 1916 году. Он располагался неподалеку от деревни Чавницы, в низовьях Меты. До начала работ памятник представлял собой возвышенность — невысокую, но большого диаметра. При выборке грунта было разрушено более ста костяков. Найденные предметы не сохранились. Известно лишь, что среди них были каменный крест, горшки, монеты и какие-то «орудия». Н. Г. Порфиридову, осмотревшему позднее этот участок, удалось собрать лишь коллекцию лепной и ранне-гончарной керамики.

И наконец, совсем недавно, летом 1982 года, сотрудникам Новгородского музея удалось обнаружить керамику XII века на Бронницком могильнике, существовавшем непрерывно по крайней мере семь веков подряд.

И все же в целом грунтовых могильников для таких ГУСТО заселенных территорий, какими являлись исток Волхова и Поозерье, известно сравнительно немного.

Причина, думается, здесь в том, что население этих мест столетиями жило стабильно, а соответственно не менялись и места кладбищ, начиная с древнерусского времени. Древние захоронения были уничтожены позднейшими кладбищами. Сколько же их могло быть? Плотность древнерусских селищ и кладбищ при церквях в деревнях по реке Веряже и берегу Ильменя позволяет предполагать, что количество их было значительным.

У любознательного читателя непременно возникает вопрос: почему же в центральном Приильменье вместо обычных повсюду курганов в XI—XII веках распространились грунтовые могильники? Ответить на него просто. Бесспорно одно — обычай хоронить умерших под курганными насыпями не был обязательным у славянских племен. Грунтовые могильники наряду с курганами известны в средневековье и у южных, и у западных славян. На эти различия влияли, вероятно, и разное происхождение отдельных групп славян, и контакты их с местными неславянскими племенами, и, наконец, природные условия,

Другое дело, почему у потомков населения, соорудившего сопки — монументальные погребальные насыпи, возник обычай хоронить умерших в грунтовых могильниках. Ведь, казалось бы, трудно найти более несхожие памятники...

Конец I тысячелетия нашей эры был важным периодом в истории восточных славян. В это время происходят коренные сдвиги в различных областях жизни: развиваются хозяйство, ремесло, торговля, растут богатства родоплеменной верхушки — «нарочитых мужей», безвозвратно отходят в прошлое, распадаются патриархальные родовые связи.

Новые условия жизни не могли не сказаться на погребальных обычаях. С распадом единых родовых коллективов некому стало сооружать громадные сопки, что

требовало больших людских ресурсов, погасли общины для всего рода погребальные костры, да и сам обряд трупосожжения уступил место дошедшему до наших дней способу погребения умерших.

Все это прекрасно видно на археологических материалах. Например, на Деревяницком могильнике погребения XI — начала XII века образуют несколько скоплений, которые первоначально были разделены свободным пространством. Это места захоронений членов отдельных, небольших коллективов, на которые распалась единая когда-то родовая община. Подобные ситуации зафиксированы на многих могильниках как в Приильмепье, так и далеко за его пределами, например у западных славян.

Теперь ясно, почему в Деревяницах, прежде чем устроить могильник, наши предки осмелились уничтожить древнюю сопку, — лишь потому, что она стала «ничьей». Нехватка свободного пространства (напомним, что могильник вплотную примыкал к поселению) явилась непосредственной причиной такого «святотатства».

В других местах расположение грунтовых могильников относительно сопки могло быть иным. Порой захоронения XI—XII веков располагались у подножия древних насыпей, не затрагивая их. Однако со временем погребения начинали устраивать и на склонах сопки, в результате чего эти высокие насыпи расплывались и теряли свою форму. Как бы то ни было, постоянное соседство грунтовых могильников с сопками и в центральном Приильмепье, и в других районах, при их хронологической преемственности, прекрасно иллюстрирует единство основной части населения Новгородской земли в VIII—XII веках.

Изучение пригородных могильников имеет значение и для археологии самого Новгорода. Еще более десяти лет назад В. Л. Янин в статье, опубликованной в журнале «Знание — сила», поставил, казалось бы, стран-

ный вопрос: «Умирили ли древние новгородцы?» И тут же продолжал: «Ответа на него сегодня мы не получим».

Суть проблемы, затронутой руководителем Новгородской археологической экспедиции, сводилась к следующему. Вокруг многих древнерусских городов, в числе которых можно назвать Киев и Чернигов, Ярославль и Смоленск, Полоцк, Переяславль и другие, известны большие курганные могильники, насчитывавшие порой тысячи насыпей и занимавшие площадь в несколько квадратных километров. Не меньше места должен был бы занимать и могильник древнего Новгорода. Однако ни в городе, ни в его окрестностях ничего подобного неизвестно. Причем, как считает В. Л. Янин, курганов не было и на той территории, которую город занимал в процессе своего роста.

Говоря о древних погребальных памятниках в черте города, обычно указывали на «небольшой языческий могильник», раскопанный в 1937 году на Ярославовом дворище. Он представлял собой шесть ям неправильной формы и различных размеров, в заполнении которых были встречены угли, камни, обожженные кости и различные бытовые предметы. Здесь же были зафиксированы остатки столбов. Однако внимательный анализ архивных материалов и опубликованных данных показал, что в данном случае за погребения были приняты хозяйственные ямы, постоянно встречающиеся на поселениях.

Другой участок городской территории, где порой помещают древний языческий некрополь, связан с кремлем. Здесь, у Борисоглебской башни, в слое, полностью перемешанном кладбищем XVII—XVIII веков, М. Х. Алешковский предположил наличие остатков могильника X—XI веков. Однако отсутствие погребального инвентаря, обязательного в захоронениях того периода, не позволяет безоговорочно принять этот вывод.

Итак, мы вынуждены признать, что до настоящего времени на территории Новгорода не обнаружены даже едва заметные следы могильника X—XI веков. Но любой научный факт требует объяснения. Именно на этом основании исследователи либо пытались порой предельно зависить дату возникновения Новгорода, либо говорили о его незначительных размерах в первый период существования.

И все-таки ключ к разгадке проблемы древнего Новгородского могильника или, скорее всего, нескольких могильников имеется. Поскольку Новгород возник в центре племенной территории ильменских словен, мы вправе искать соответствия формам городских погребальных памятников, особенно для первых веков новгородской истории, на территории городской округи. Но ведь там известны лишь грунтовые могильники.

Вполне правомерным будет предположение, что подобные памятники являлись характерными и для Новгорода. Данное обстоятельство было решающим для дальнейшей судьбы древнего новгородского некрополя. Дело в том, что грунтовые могильники в отличие от курганных имели значительно меньшие размеры, потому что они могли функционировать веками, не расширяя своей территории сверх каких-то установившихся границ. При этом ранние захоронения неизбежно должны были разрушаться более поздними. И все же наиболее вероятные места их расположения, как нам представляется, возможно «вычислить».

Как показывают многочисленные факты, после принятия христианства первые церкви возводились прежде всего на местах, связанных с языческим культом. Это должно было символизировать торжество новой религии, способствовать христианизации широких народных масс и не допускать продолжения здесь языческого культа. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский указывают в

пределах города целый ряд таких точек. Кроме Софийского собора в детинце это были церкви Власия и Ильи, а также три церкви Петра и Павла, располагавшиеся в трех древнейших концах города. Что же находилось на месте этих церквей в эпоху язычества?

Одновременное существование столь значительного количества капищ на сравнительно небольшой территории вызывает сомнение. Если предшественниками церквей Власия и Ильи можно считать святилища языческих богов Белеса и Перуна, то для Петропавловских церквей таких соответствий нет. Это затруднение будет легко устранено, если предположить, что некоторые из перечисленных здесь церквей фиксируют места не капищ, а древних могильников. Кроме понятного стремления церковников поставить под свой контроль погребальный обряд с его живучими языческими представлениями, православная религия предписывала хоронить умерших на освященной земле, где была церковь или хотя бы часовня. Посвящение таких церквей Петру и Павлу — распространителям христианства — представляется вполне естественным.

Количество древних могильников, скорее всего, равнялось трем — по числу древнейших поселков-концов. Существование в каждом из древних концов по одной Петропавловской церкви является косвенным аргументом в пользу нашего предположения. Все интересующие нас церкви находятся вне пределов первоначальной застройки, на возвышенных местах, удобных для устройства могильников. Интересно, что церковь Петра и Павла в Кожевниках расположена неподалеку от того места, где В. С. Передольский упоминал сопкообразную насыпь, а топографическая связь грунтовых могильников с сопками — повсеместна. Соседство сопки и одной из Петропавловских церквей позволяет предположить существование здесь в древности грунтового могильни-

ка и перенести этот вывод на районы двух остальных одноименных храмов.

Так изучение погребальных памятников городской округи помогает решать важные вопросы археологии Новгорода. ..

Старое и новое в культуре новгородцев

Грандиозные по объему раскопки в Новгороде, начавшиеся более полвека назад, открыли яркий и неповторимый мир древнего города. Топография и хронология напластований, ремесло и торговля, быт и политическое устройство, культура и военное дело — вот далеко не полный перечень тем, рассмотренных в многочисленных статьях и монографиях. Конечно, не все стороны жизни древних новгородцев мы представляем одинаково полно. Это зависит, прежде всего, от специфики археологических источников. Взять, например, такую, казалось бы, частную проблему — женский убор. Споры нет, в Новгороде часто находят и фрагменты тканей, и различные украшения. Но вся беда в том, что они встречаются разрозненно, не в комплексе, и поэтому конкретная реконструкция костюма, как правило, невозможна. Кроме того, в Новгороде — крупном торговом и ремесленном центре — неизбежно присутствуют и такие украшения, которые не были свойственны местным жителям. Они могли быть утеряны выходцами из других мест либо изготавливались здесь специально для продажи на финно-угорских окраинах Новгородской земли, в соответствии со вкусами того населения.

Но как выглядел наряд коренных новгородок, живших в первые века русской истории? Вопрос этот далеко не

праздный.

Одежда женщин эпохи средневековья, красочная и своеобразная, вместе с сопутствующими ей украшениями, представляла сложный синтез проявлений материальной и духовной культуры. В ней отражались и социальное положение, и этническая принадлежность, и другие, самые разные приметы того времени.

Наиболее полным археологическим источником для реконструкции женского убора являются погребальные памятники. В настоящее время это можно сделать лишь на материалах Деревяницкого могильника, о котором мы уже неоднократно упоминали. Конечно, в рыхлом песчаном грунте могильника органические вещества сохраняются далеко не во всех случаях, но тем не менее по расположению отдельных фрагментов ткани, металлических деталей и украшений можно представить и покрой одежды, и ее живописный облик. Большое внимание имеют и данные этнографии, донесшие из глубины веков многочисленную информацию по этому вопросу.

Как считают ученые, древним типом восточнославянской одежды, сохранявшейся длительное время, была прямая длинная рубаха, по своему покрою напоминающая древнегреческую тунику. У ближайших соседей славянского населения Новгородской земли — финно-угорских племен — женский костюм был другим. В качестве непременной детали он предусматривал металлические застежки-фибулы разных типов. У славян фибулы тоже изредка встречаются, но преимущественно на пограничных территориях и, как правило, в мужских погребениях. Практическое отсутствие таких находок в Деревяницком могильнике (найден лишь один экземпляр, служивший к тому же для прикрепления украшений) говорит вполне определенно о господстве славянских традиций в покрое одежды этого населения.

Наверное, во все времена и у всех народов женщины старались дополнить свою одежду украшениями. Ко-

нечно, это стремление выражалось по-разному. Например, у некоторых финно-угорских народностей в традиционный праздничный убор, известный по этнографическим данным, входили металлические украшения, общий вес которых достигал буквально нескольких килограммов. Комплекс украшений у древних славян характеризовался гораздо большей скромностью, хотя использование «узорочья» или «гривенкой утвари», выражаясь словами древнего летописца, было им вовсе не чуждо.

Среди украшений в Древней Руси широкое распространение получили бусы, или, как назвал их летописец XII века, «глазки стеклянные». Изготовленные из полудрагоценных камней — сердолика и горного хрусталя, янтаря, разноцветного яркого стекла, они имели успех у разных слоев населения. Арабский путешественник X века Ибн-Фадлан описывает, как встреченные им на Волге купцы — руссы — щедро платили за ожерелья бус для своих жен.

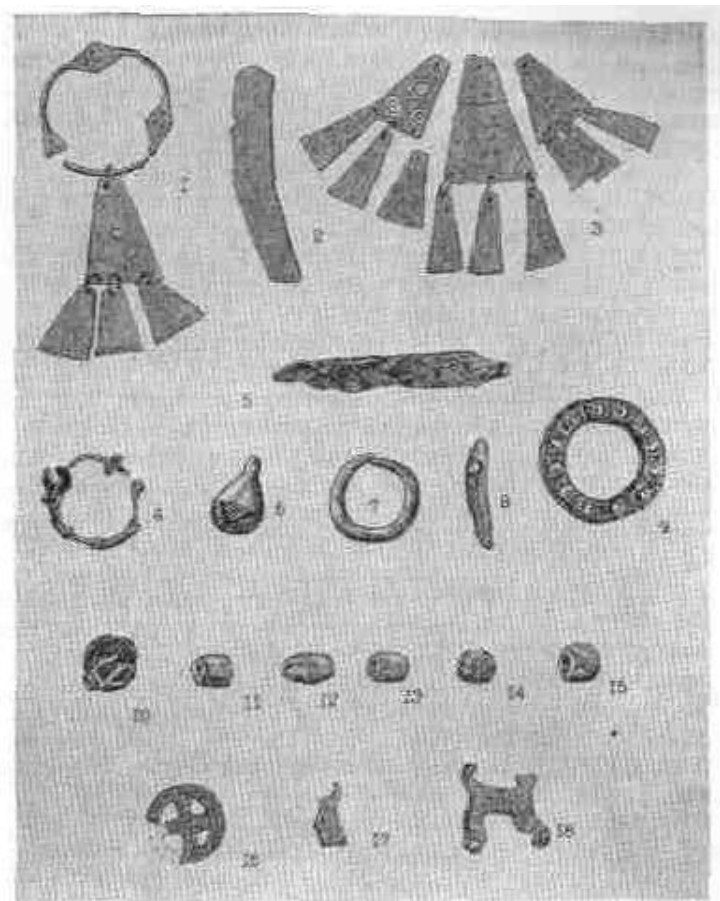
В Деревяницком могильнике найдены золото-стеклянные бусы, состоящие из двух слоев прозрачного стекла, между которыми помещена тончайшая золотая фольга. Пролежав в земле почти тысячу лет, они не потеряли своего яркого блеска. Не менее эффектны и изделия из цветного стекла, представленные большим разнообразием форм и расцветок. Желтые, синие, полосатые бусины — «лимонки», названные так за свое сходство по форме с лимоном, соседствуют с синими и красными бусами в форме прямоугольных призм, с глазчатыми многоцветными, свидетельствующими о немалой фантазии их изготовителей — мастеров Византии, Сирии и других заморских стран.

Вместе с бусами носили порой серебряные привески — монеты с приклепанными ушками, прекрасно дополнявшие живописный облик ожерелий. Будучи одним из главных источников для датировки погребений, они в

то же время свидетельствуют 6 широким международным связям Древней Руси. Западная Европа и страны Арабского Востока, Византия и Иран — вот диапазон мест, откуда происходят монеты, найденные в Деревяническом могильнике. Пожалуй, самая редкая из них — это драхма, отчеканенная в Иране при шахе Хосрове II из династии Сасанидов, который правил с 590 по 623 год нашей эры. На лицевой стороне ее изображен стилизованный профиль грозного восточного монарха, а на оборотной — два стражника с мечами, охраняющие жертвенник, на котором горит священный огонь. Диковинная монета оказалась в XI веке в новгородском пригороде, где из нее сделали украшение.

Изделия новгородских ремесленников-ювелиров, найденные на Деревяническом могильнике, принадлежат, главным образом, к общерусским типам XI—XII веков, но в них отразилось и местное своеобразие, заключавшееся в богатстве украшений и виртуозности исполнения. Вполне отчетливо прослеживаются и традиции, уходящие корнями в глубь столетий.

В XI веке вследствие бурного развития ремесла в Древней Руси даже сельские мастера начали изготавливать в большом количестве несложную, но оригинальную и имевшую широкий спрос ювелирную продукцию. В это время в женском уборе различных районов начинают проявляться особенности, которые, по мнению некоторых ученых, связаны со сложным племенным составом населения Древней Руси. Наиболее ярким индикатором местного своеобразия считаются височные кольца, известные в средние века не только на Руси, но и у других славянских народов. Для жителя Новгородской округи, западных районов Новгородской земли и еще некоторых территорий были характерны ромбо-щитко-вые височные кольца, названные так из-за расширений ромбической формы, располагавшихся по периметру кольца. Щитки украшались обычно орнаментом. По ма-

Деревянический могильник. Инвентарь из погребения 32. Наиболее характерный для ильменских славян набор украшений: 1, 4 — височные кольца; 2 — фрагмент головного убора; 3 — трапециевидные привески; 5 — подвеска; 6 — бусинка; 7 — вертень; 8 — клин животного; 9 — височное кольцо; 10—15 — бусы; 16—17 — привески; 18 — фрагмент драгманской монеты.

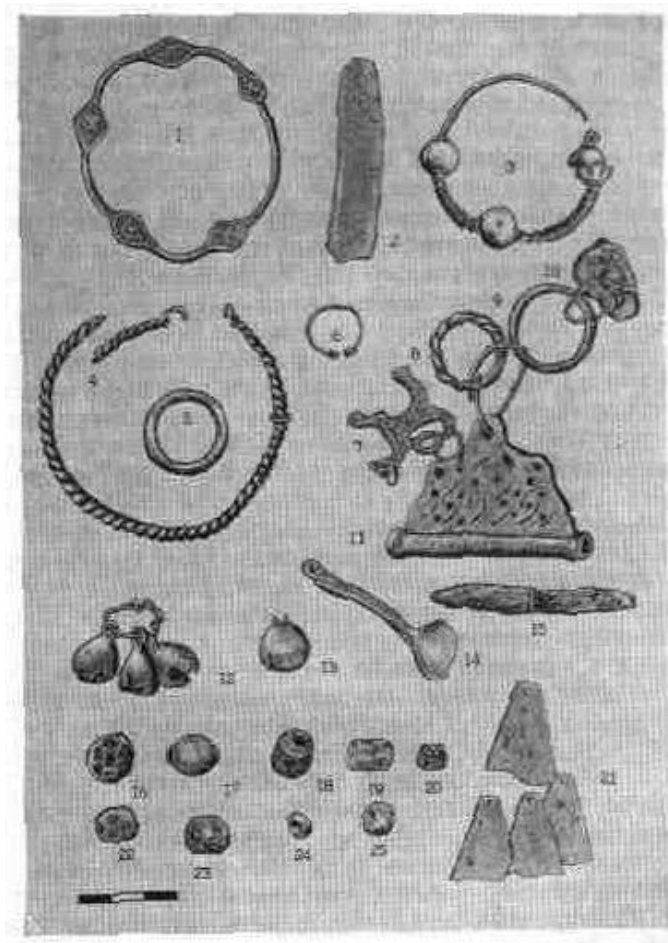
териалам Деревяницкого могильника видно, как менялись эти кольца со временем: от небольших экземпляров из толстой проволоки с маленькими щитками развитие шло в направлении увеличения размеров щитков и усложнения орнамента на них.

Жительницы новгородских пригородов любили прикреплять к височным кольцам треугольные и трапециевидные медные привески, украшенные concentрическими окружностями и зубчатой насечкой. Привески подвешивались в несколько ярусов, при этом их количество достигало семи — двенадцати. Очень эффектно выглядело такое украшение, сочетавшее белый матовый блеск серебра с яркостью красной меди.

Височные кольца, как ромбовидные, так и простые проволочные, входили в состав сложного женского головного убора. Способы ношения этих украшений были разнообразны. Иногда они использовались как серьги, но чаще или вплетались в волосы, или крепились к какой-нибудь твердой, например ременной или войлочной, основе.

Головные уборы девушек и замужних женщин различались. Если женщины должны были непременно накрывать голову, то девичий убор состоял из венчика — ленты, охватывавшей голову и лоб. Иногда такие венчики делались из тонкой полосы серебра. Однако, как полагают исследователи, очень часто использовались венчики из домотканой тесьмы, не дошедшие до наших дней.

Несомненно, что головные уборы, включавшие височные кольца и венчики, не носились повседневно, а были

104

принадлежностью наиболее парадного, в том числе и свадебного, наряда. Согласно языческим представлениям, бытовавшим на Руси длительное время и после принятия христианства, умерших женщин хоронили тоже в свадебном убранстве. Подобные обычаи сохранялись в некоторых районах России еще в прошлом веке.

В причудливый мир языческих представлений наших предков уводят и привески-амулеты, входившие в состав

Деревяницкий могильник. Инвентарь погребения 10 — одного из самых богатых в могильнике:

1, 3 — височные кольца; 2 — фрагмент головного венчика; 4 — браслет; 5 — перстень; 6 — фибула; 7 — привеска-конек; 8, 9 — перстни; 11 — игольник; 13, 13 — бубенчики; 14 — привеска-ложечка; 15 — нож; 16—20, 22—25, — бусы; 21 — трапециевидные привески.

нагрудных и поясных украшений. К расшифровке смысла, который вкладывался в эти предметы, неоднократно обращался академик Б. А. Рыбаков.

Среди таких привесок часто встречается плоская, украшенная кружковым орнаментом фигурка животного с вытянутыми ушами и загнутым в колечко хвостом, одновременно напоминая и коня, и какого-то хищника. Б. А. Рыбаков считает, что это — изображение «самого свирепого хищника наших лесов — рыси», или, как ее иносказательно называли в Древней Руси, «лютого зверя». Такой амулет служил в качестве «оберега», охраняя носившую его женщину от злых сил.

Водоплавающие птицы в поверьях древнего населения были, очевидно, связаны с водной стихией и ее животворящими свойствами. Среди «птичьих» привесок Деревяницкого могильника, кроме реалистической фигурки гуся с выпуклой грудью и вытянутой шеей, имеется фантастическая птица, напоминающая утку, на голове у которой видны два отростка, похожие на рога.

Не только изображениям птиц и животных приписывалось магическое действие. Так, миниатюрные ложки являлись символом сытости и богатства, а маленькие бронзовые бубенчики своим звоном, видимо, должны были отпугивать возможное зло. Вероятно, что самыми действенными «оберегами» считались настоящие клыки хищных животных, найденные в нескольких погребениях. Иногда с этой же целью использовались просверленные позвонки животных.

Амулеты подвешивались целыми наборами к цепочке, один конец которой крепился к одежде на груди, а другой либо свободно свешивался, либо пристегивался с помощью кольца к поясу.

Там же, у пояса, могли носиться и различные бытовые предметы, например игольник — футляр для хранения игл. В наиболее простом варианте он представлял собой бронзовую трубочку с петлей для привешивания. Существовали и более сложные типы с ажурным навершием. Такие игольники были широко распространены в Восточной Европе. Точные аналогии экземпляру из Деревяницкого могильника найдены в Костромском Поволжье, в Приладожье и в Прибалтике.

Рядом с игольниками иногда находят маленькие железные ножи. Они встречаются лишь в богатых захоронениях. Признаком высокого общественного положения являются, вероятно, и ключи от замков. Они сопутствовали нескольким богатым погребениям первой половины XI века.

Как и многие другие предметы убора, сделанные из металла, в XI—XII веках появляются перстни. Считают, что возникновение этой категории украшений связано с оформлением новых семейных и брачных отношений. Первоначально перстни встречаются в захоронениях наиболее знатной части населения, что, вероятно, связано с христианизацией правящих слоев общества. Материалы Деревяницкого могильника в какой-то мере подтверждают это. Действительно, в ранний период, на протяжении почти всего XI века, перстни немногочисленны и найдены они в богатых погребениях.

Иногда женский наряд дополнялся браслетами. Их носили на запястьях рук или у локтей. В последнем случае браслет надевался поверх длинного рукава рубахи. Ассортимент этих украшений в Деревяницком могильнике невелик. Можно назвать лишь тонкие бронзовые,

витые из трех проволок, и сохранившиеся в обломках стеклянные браслеты.

В целом можно считать, что комплекс традиционных женских украшений населения новгородских пригородных сел состоял из двух основных компонентов: украшений головного убора, главное место среди которых занимают ромбо-щитковые височные кольца, и нагрудных либо поясных украшений, состоящих из цепочки с привесками-амулетами. Оба эти компонента были распространены очень широко. Они известны повсюду у северных восточнославянских племен. Правда, имеются здесь и различия, прежде всего в типах височных колец. Набор традиционных украшений Деревяницкого могильника имеет наибольшее сходство с материалами курганов восточного побережья Чудского озера. Эта территория была заселена выходцами из центральных районов Новгородской земли именно в XI веке. Но все же во вкусах жительниц Новгородской округи и Причудья были и различия. Состав и общее количество металлических украшений у населения северо-западной окраины Новгородской земли были богаче. Однако самое интересное здесь то, что те типы украшений, которые отсутствуют под Новгородом, заимствованы у древнего финно-угорского населения. Как тут не вспомнить слова великого чешского ученого-слависта Л. Ни-дерле о том, что в славянских землях «роскошные одежды и украшения развились лишь там, где славяне соприкасались с соседними народами». И действительно, особенности набора металлических украшений из Деревяницкого могильника, в котором полностью отсутствовали гривны и были лишь единичные браслеты, невольно вызывают ассоциацию с погребальными древностями коренных славянских территорий.

Все это, наряду с уже упомянутым типично славянским покроем одежды, позволяет считать женский убор, реконструированный для ближайших окрестностей Нов-

города, своего рода эталоном славянского убора Новгородской земли. Такой вывод представляется вполне убедительным, если учесть расположение Деревяницкого могильника в одном из важнейших центров славянского расселения на Северо-Западе.

Конечно, рассматриваемый набор украшений в чистом и полном виде встречен лишь в части погребений. В Деревяницком могильнике в разных погребениях наблюдаются два типа наборов. Один тип связан с традиционным деревенским ремеслом, уходящим корнями в глубь веков и сочетавшим наследие языческой древности с местными племенными особенностями. Другой представлен в изделиях городского ремесла, связи которого, по определению Б. А. Рыбакова, «распространялись не вглубь, а вширь». На изделиях ювелиров-горожан отражалось влияние торговых площадей, на которых продавали свои товары русские и иноземные купцы.

Какие же изделия предлагали городские ремесленники? Височные украшения состояли из проволочного кольца с напущенными на него тремя полыми гладкими серебряными бусинами, изготовленными из двух штампованных половинок. Иногда такие бусины включали в состав ожерелий.

Раньше считалось, что бусинные височные кольца делались в Киеве, поэтому их называли «серьгами киевского типа». Впоследствии новые находки и исследования показали, что украшения являются продукцией не только киевских, но вообще городских ремесленников.

Хотя бусинные височные кольца находят иногда даже в сельских курганах, они в основном являлись украшением горожанок, причем отнюдь не бедных. Еще в большей степени это относится к изделиям, выполненным в технике зерни. В Деревяницком могильнике найдено немало предметов такого рода — прекрасных

Деревяшский могильник. Погребение 120 сопровождалось различными украшениями: височными кольцами, бусами, монетами-привесками. XI век.

произведений прикладного искусства. Одна из наиболее ярких находок—серьга, состоящая из обычного кольца, на которое были надеты три ажурные бусины. В местах соединений проволочного «скелета» бусин припаяны маленькие колечки, в которых укреплено по одному шарик зерни.

Полые серебряные бусы с зернью и сканью поражают разнообразием и изысканностью форм. Почти десяток их разновидностей дает хорошее представление о возможностях городских умельцев. Из зерненных бус иногда делали серьги, закрепляя их на проволочных кольцах. Даже перстни украшались порой шариками зерни, правда, большего размера,

Убор женщины XI века, реконструированный по данным Деревяницкого могильника.

Интересно, что в Деревяницком могильнике исследованы погребения женщин, украшения которых были полностью выдержаны либо в городской, либо в племенной традиции. Причем и в том и в другом случаях мы имеем дело с богатыми погребениями, если судить по количеству украшений или весу пошедшего на их изготовление серебра. Но эти различия свидетельствуют, скорее, не об имущественном неравенстве, а переносят нас в сферу идеологии.

Как уже говорилось, традиционный женский убор был теснейшим образом связан с языческими представлениями и многим украшениям приписывались функции «оберегов». Со временем, хотя и медленно, первоначальный смысл изображений забывался и они начинали восприниматься лишь в эстетическом плане. Для городского прикладного искусства

соотношение ритуала и красоты было иным, в пользу последней. Несомненно, свою роль здесь играли и широкие культурные связи городов, позволявшие заимствовать многое у соседей, и большая христианизация города по сравнению с деревней.

Взаимодействие городской и «племенной» мод в женском уборе вовсе не сводилось только к их противоре-

Деревяницкий могильник. Погребение 74. Крестик и клык бобра — христианский и языческий амулеты.

янию. Напротив, чаще всего городские по происхождению украшения дополнительно включались в традиционный убор или заменяли отдельные его элементы. Это вело к нарушению и размытию магических функций всей системы традиционного женского наряда.

«Узорочье» Деревяницкого могильника вообще дает богатый материал для понимания эволюции верований людей той эпохи. Принятие на Руси христианства в конце X века было во многом лишь внешним, и церковь еще долго искореняла остатки язычества, жившие в народных массах. Собственно говоря, даже захоронение умерших вместе с украшениями и предметами быта противоречило христианским догмам.

На длительном сохранении обычаев язычества в по-

гребальном обряде и Инвентаре МЫ уже останавливались. Интересно взглянуть на эту проблему с другой стороны — со стороны распространявшегося христианства. Тут наблюдается интересная картина. Оказывается, на 120 исследованных погребений могильника приходится лишь 3—4 находки крестиков — соотношение ничтожное. Но и владельцы крестиков не всегда были примерными христианами. В одном случае символ распятого Христа находился в центре ожерелья, среди бус, что позволяет свести его роль до простого украшения. В другом — еще более интересном — крестик был прикреплен к игольнику вместе с явно языческим амулетом — клыком животного. Очевидно, его хозяйка на всякий случай хотела иметь защиту со стороны и старых, и новых богов.

Все же христианство медленно, но неуклонно побеждало. Середина XII века является здесь важным рубежом. Начиная примерно с этого времени украшения в погребениях исчезают, хотя в быту, как показывают раскопки в Новгороде, они продолжают играть роль не меньшую, чем прежде. Этот процесс охватил одновременно огромные пространства на территории ильменского бассейна. Не случайно пригородный Деревяницкий могильник ничем не отличается в этом отношении от расположенного на самой окраине Новгородской земли Федовского могильника.

Однако в Деревяницком могильнике встречены находки, имеющие отношение к истории одежды и украшений XII века. В то время появляются новые общерусские элементы в женском уборе. Получает распространение неизвестный ранее тип одежды, который характеризуется стоячими воротниками на жесткой основе. Обычно в погребениях от них сохраняются фрагменты шелковой ткани, остатки кожи или бересты, служившие в качестве подкладки, и маленькие бронзовые пуговицы. Подобные находки отмечались по всей территории

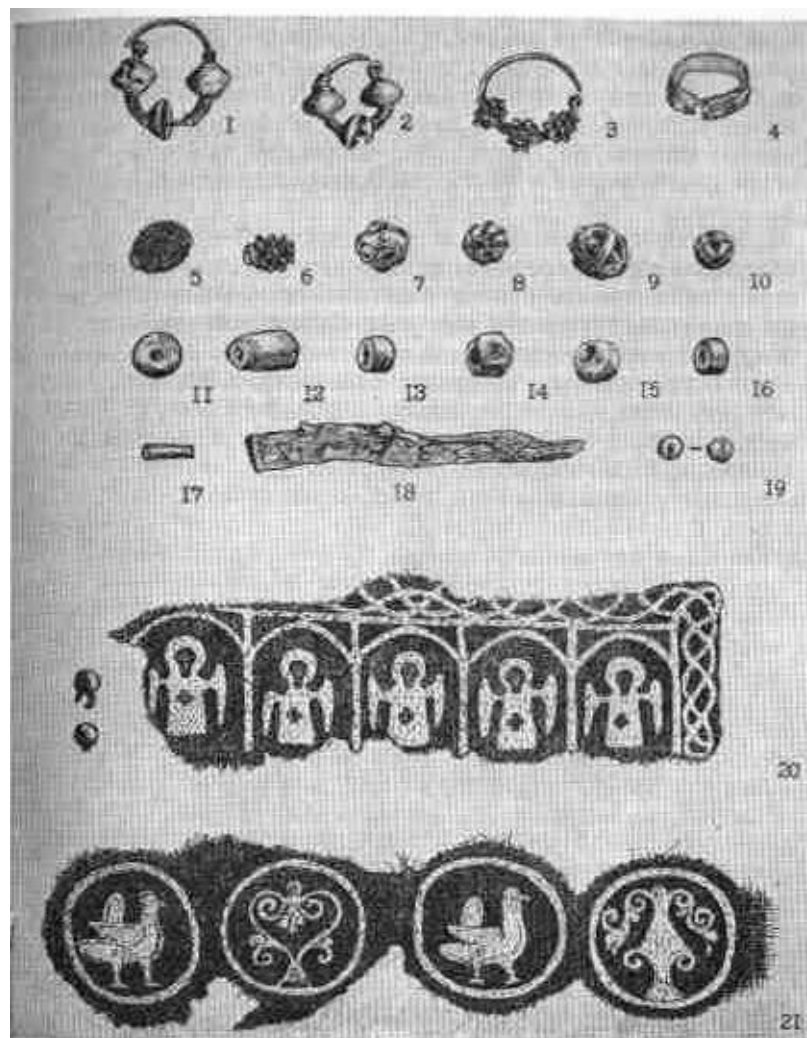
Древней Руси, как на городских, так и на сельских кладбищах. Не случайно исследователи видят в одежде со стоячими воротниками один из истоков русского костюма XV—XIX веков.

В Деревяницком могильнике остатки таких воротников зафиксированы в 12 погребениях. Наиболее сохранившиеся экземпляры представляли собой шелковые ленты длиной 20—30 и шириной 5 сантиметров. С внешней стороны ткань, по крайней мере в трех случаях, была украшена золотым шитьем, то есть вышита тончайшей золотой нитью.

Фрагменты золотого шитья являются редкими находками и представляют большой интерес. Техника шитья, характерная для Древней Руси — «в прокол». При этом способе золотая нить протягивается сквозь ткань. На лицевой стороне делается стежок длиной около 5 миллиметров, а на оборотной — совсем маленький, какой только могла допустить толщина нити. Каждый следующий ряд стежков прилегал к предыдущему, густо покрывая нужную поверхность узором. Золотное шитье появляется на Руси в XI веке как украшение одежды лишь правящего класса, но уже в середине XII—XIII веке оно встречается и в погребениях богатых горожан и крестьян.

Рисунок золотной вышивки стилистически и образно связан с изделиями ювелирного ремесла (например, дорогими колтами, окладами икон), деревянной резьбой, заставками в книгах.

На шитье из Деревяницкого могильника в одном случае представлены поясные изображения ангелов, выпол-

Влияние городского ремесла на инвентарь погребений Деревяницкого могильника, погребение 12:

1—3 — височные кольца и перстень; 5—10 — серебряные бусы с зернью и сканью; 11—15, 17—19 — стеклянные и настоящие бусы; 18 — нож; 20 — фрагмент воротника и пуговицы из погребения 65; 21 — фрагмент воротника из погребения 83.

ненные так виртуозно, что прослеживаются даже черты лица. Ангелы помещены внутри арок, по краям ленты идет сложный плетеный орнамент. Другая композиция вновь возвращает нас к языческой символике. Подобно изображениям на колтах, на шелковой ткани чередуются заключенные в круги стилизованные птицы и «древа жизни».

Трудно сказать, как воспринимались такие образы создателями и современниками этого шитья, видели они здесь лишь традиционные изображения или приписывали им чудодейственные свойства. Скорее, первое — в пользу этого говорит диапазон сюжетов, но во всяком случае данные находки являются прекрасным завершением еще одной маленькой страницы могучей культуры Древней Руси, прочесть которую позволили исследования Деревяницкого могильника.

Поиск продолжается. Экспедиции Института археологии Академии наук СССР, Московского государственного университета, Новгородского объединенного музея-заповедника постоянно ведут археологические исследования в Новгороде и его окрестностях. Не проходит года без новых научных открытий и уникальных находок, пополняющих фонды и экспозиции музея. Все более зримо представляем мы жизнь наших далеких предков — славян, освоивших лесистые равнины Приильме-нья и создавших здесь один из важнейших центров Древней Руси.

Ученые делают многое, объем археологических работ постоянно растет, но возможности безграничны. В окрестностях города буквально в любом месте встречаются следы прошедших веков. Во время размывов берегов рек, при строительстве и пахоте бесследно могут исчезнуть интереснейшие памятники археологии. Спасти их — общий патриотический долг не только ученых, но и каждого новгородца, кому дорога история родного края. В инвентарных книгах музея и сейчас нередки фамилии новгородцев, принесших в музей найденные ими древние предметы, монеты и даже просто черепки. И это должно стать всеобщим правилом. Следует сообщать в музей о находках захоронений, скоплений костей и глиняных черепков, о старых преданиях относительно местных урочищ и обо всем том, что может иметь отношение к древности.

Авторам хотелось бы надеяться, что их книга будет подспорьем в этой работе,

ЛИТЕРАТУРА

- Булкин В. Л.* Новые данные о каменных постройках Хутын-ского монастыря и Государева двора в Новгороде. — Археологические открытия 1981 года. М., 1983.
- Ерицевский Б. Д.* Ильменские курганы. — Археологические открытия 1969 года. М., 1970.
- Конечкий В. Я.* Древнерусский групповый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода. — Новгородский исторический сборник, вып. 2 (12). Л., 1982.
- Конечкий В. Я.* Нередицкий могильник. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 164. М., 1981.
- Конечкий В. Я.* Каменный круг у д. Коломо в юго-западном Приильменьи. — Археологические открытия 1982 года. М., 1983. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 164. М., 1981.
- Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VIII. Л., 1976.
- Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении). — Новгородский исторический сборник, вып. I (И). Л., 1982.
- Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных. — Новгородский исторический сборник, вып. 2 (12). Л., 1984.
- Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода. — Советская археология, 1972, А' 2.
- Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1962.
- Пахомов Н. П.* Следы ювелирного производства на территории «Рюрикова» городища. — Новгород древний — Новгород социалистический: Археология, история, искусство. Новгород, 1977.
- Попов А. И.* Следы времен минувших. Л., 1981.
- Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971.
- Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. Краткие сообщения Института истории материальной культуры" 1953. вып. 1.
- Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перупа. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры 1954. вып. 53.
- Седов В. В.* Новгородские сопки. Свод археологических источников, вып. Е 1—8. М., 1970.
- Строков А. А.* Археологические разведки в с. Ракоме. — Новгородский исторический сборник, вып. 5. Л.—Новгород, 1939.
- Ходаковский З.* Отрывок из путешествия по России. — Русский исторический сборник, т. 3. кн. 2. М., 1839.
- Ходаковский З.* Сопки. — Русский исторический сборник, т. 7. М., 1844.
- Чебоксаров И., Я.* Ильменские поозеры. — Труды института этнографии. Новая серия, т. 1. М.—Л., 1947.
- Янин В. Л., Аleshковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2.

